

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

В. А. Коннов
А. Е. Симонова
Ю. В. Песковая

**ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ПО ЖАЛОБАМ НА НАРУШЕНИЯ
В ОТДЕЛЬНЫХ СФЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Учебное пособие

*Допущено Министерством внутренних дел Российской Федерации
в качестве учебного пособия для курсантов и слушателей
образовательных организаций высшего образования системы
МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации*

*Рекомендовано Ученым советом
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
в качестве учебного пособия для курсантов и слушателей*

2-е издание, переработанное и дополненное

Москва

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2021

УДК 34.06

ББК 67.71

К64

Рецензенты:

начальник правового управления ГУ МВД России по г. Москве
Е. В. Григорьева; доцент кафедры международного сотрудничества
в сфере прокурорской деятельности Университета прокуратуры
Российской Федерации кандидат юридических наук
М. М. Какителашвили; начальник кафедры конституционного
и международного права Нижегородской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент **Н. А. Трусов**

Коннов, В. А.

К64

Правовые позиции Европейского Суда по правам человека по жалобам на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : учебное пособие / В. А. Коннов, А. Е. Симонова, Ю. В. Песковая. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. – 156 с.
ISBN 978-5-9694-1001-5

В учебном пособии рассматриваются особенности реализации правовых позиций Европейского Суда по правам человека в рамках мер общего и индивидуального характера, а также проводится анализ правовых позиций по жалобам на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

В рамках второго издания пособие было дополнено анализом новых вступивших в силу постановлений Европейского Суда по правам человека. Также рассмотрены актуальные изменения в законодательстве, подзаконных нормативных правовых актах Российской Федерации, произошедшие в контексте реализации мер общего характера. Отражены новые позиции Верховного Суда Российской Федерации по отдельным аспектам правоприменительной деятельности органов внутренних дел в их сравнении с правовыми позициями Европейского Суда по правам человека.

Представляет интерес для сотрудников правовых подразделений МВД России и других правоохранительных органов, практикующих юристов, специалистов в области международного и европейского права, аспирантов, студентов юридических вузов.

УДК 34.06

ББК 67.71

ISBN 978-5-9694-1001-5

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021
© Коннов В. А., Симонова А. Е.,
Песковая Ю. В., 2019
© Коннов В. А., Симонова А. Е.,
Песковая Ю. В., 2021, с изменениями

Содержание

Предисловие ко второму изданию.....	5
Введение	7
Глава I. Реализация правовых позиций Европейского Суда по правам человека в Российской Федерации	
§ 1.1. Особенности реализации правовых позиций Европейского Суда по правам человека в рамках мер общего характера.....	9
§ 1.2. Особенности реализации правовых позиций Европейского Суда по правам человека в рамках мер индивидуального характера.....	17
Глава II. Анализ правовых позиций по жалобам на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации	
§ 2.1. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на ненадлежащие условия содержания в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых, в специальных помещениях для лиц, задержанных за административные правонарушения, а также при их транспортировке.....	30
§ 2.2. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на жестокое обращение со стороны сотрудников органов внутренних дел.....	44
§ 2.3. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека в отношении нарушений при задержании	56
§ 2.4. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека по жалобам на нарушения в центрах временного содержания иностранных граждан, организации их административного выдворения, депортации и экстрадиции.....	65
§ 2.5. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения права на эффективное расследование преступлений и справедливое судебное разбирательство	83
§ 2.6. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения права на свободу собраний, объединений, свободу выражения мнений.....	93
§ 2.7. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения прав и свобод человека при проведении контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского федерального округа.....	105

§ 2.8. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий	110
§ 2.9. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения при заключении под стражу и содержании под стражей	120
Заключение	134
Библиографический список.....	135
Вопросы для самоконтроля	152

Предисловие ко второму изданию

Настоящая работа представлена во втором издании, материал которого доработан и дополнен авторами как с точки зрения пополнения базы вступивших в силу постановлений ЕСПЧ, так и с точки зрения изменений, затронувших отечественное законодательство. В пособии делается упор на практику Суда по состоянию на июнь 2020 г. включительно. Часть этой практики подтверждает приверженность ЕСПЧ ранее сформулированным позициям по отдельным категориям дел, связанным с деятельностью органов внутренних дел. Но часть отражает новые формы «эволютивного» толкования Конвенции, которые не были ранее сформулированы в постановлениях по сходным жалобам. Также следует отметить, что подготовка издания велась в условиях конституционной реформы, начатой Президентом Российской Федерации в январе 2020 г., одним из направлений которой является выявление правовой определенности в части соотношения положений актов, выносимых международными судебными органами, и норм Конституции Российской Федерации.

Вне зависимости от изменений, внесенных в Основной закон, постоянными остаются два факта, которые делают актуальным переиздание работы: правовые позиции ЕСПЧ оказали значительное и, безусловно, положительное влияние на российскую правовую систему, позволив ей сформировать основные векторы становления и развития отечественной системы защиты прав и свобод человека; Российская Федерация остается в сфере юрисдикции ЕСПЧ и приверженной одному из принципов международного права – принципу уважения прав человека.

Данный вид международного сотрудничества останется одним из наиболее приоритетных. Повышение качества функционирования органов внутренних дел Российской Федерации затрагивает в том числе и этот аспект. Мы убеждены, что совершенствование правоохранительной деятельности в контексте защиты прав человека невозможно без учета мнений незави-

симых международных институтов, оценивающих конкретные действия и решения национальных властей государств, присоединившихся к соответствующим международным договорам.

Учебное пособие может быть использовано в качестве дополнительной литературы при изучении учебных дисциплин, затрагивающих вопросы обеспечения прав человека, деятельности международных организаций, административной и уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел, предназначено для обучающихся по юридическим специальностям.

Введение

Российская Федерация признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека (далее – *ЕСПЧ*, *Европейский Суд* или *Суд*) с 1998 г. С момента присоединения к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.¹ (далее – *Конвенция 1950 г.* или *Конвенция*) против России были поданы десятки тысяч жалоб, сотни из них были рассмотрены. Для многих граждан после обращения в ЕСПЧ открылась возможность защитить свои права, с чем ранее не справилась национальная судебная система. Можно смело констатировать, что сегодня Европейский Суд является одним из немногих действующих международных механизмов, позволяющих защитить и восстановить нарушенные государством права.

В практике ЕСПЧ значительное место занимают жалобы на действия сотрудников правоохранительных органов. При этом данные жалобы, как правило, связаны с грубыми нарушениями фундаментальных прав человека, нередко с вопиющими – пытками, издевательствами, жестоким обращением и даже лишением жизни. Правоохранительные органы, выполняя свои функции, имеют право применять принуждение, силу, специальные средства и оружие, что делает их потенциальным источником серьезных нарушений. Соблазн отдельных сотрудников использовать власть вопреки интересам службы и требованиям законодательства порождает реальные угрозы защиты граждан и юридических лиц от произвола. В России данная проблема в последние два десятилетия стояла особенно остро.

Среди целей реформы органов внутренних дел, начатой в 2011 г., были изменение ситуации с полицейским произволом, значительное уменьшение фактов нарушения прав человека

¹ Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 14. Ст. 1514.

со стороны сотрудников. Руководство МВД России обращает внимание на постановления ЕСПЧ по жалобам, которые затрагивают интересы Министерства. Акты международного судебного органа позволяют выявлять актуальные проблемы, требующие принятия соответствующих управленческих решений по недопущению нарушений прав граждан. Правовые позиции ЕСПЧ по отдельным вопросам деятельности правоохранительных органов становятся основой ведомственного нормотворчества в системе МВД России.

Учебное пособие систематизирует правовые позиции Европейского Суда, сформулированные в постановлениях по жалобам на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Оно включает как теоретическую составляющую, позволяющую ознакомиться с наиболее общими организационно-процессуальными аспектами реализации постановлений ЕСПЧ в России, так и практическую сторону в виде анализа правовых позиций Суда в отношении жалоб на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел: задержания, аресты, расследование преступлений, жестокое обращение с подозреваемыми и обвиняемыми, выдворение незаконных мигрантов, оперативно-разыскные мероприятия и др.

Правовых позиций ЕСПЧ по каждой из сфер деятельности огромное количество, поэтому в пособие включены наиболее типичные из них или те, которые были сформулированы в постановлениях по резонансным делам. Также следует отметить, что в пособии сознательно указаны правовые позиции по тем делам, где ЕСПЧ констатировал нарушение тех или иных прав. Те решения, в которых Суд констатировал отсутствие нарушений, не принимались во внимание и не включались в работу, поскольку они не порождают проблему. Кроме того, приводимые позиции в основном сформулированы в постановлениях, которые были вынесены по жалобам против России, – мы считаем это важным, так как в постановлениях отражены проблемы, свойственные именно Российской Федерации.

Глава I

Реализация правовых позиций Европейского Суда по правам человека в Российской Федерации

§ 1.1. Особенности реализации правовых позиций Европейского Суда по правам человека в рамках мер общего характера

Правовые позиции, сформулированные в постановлениях ЕСПЧ на основе Конвенции 1950 г., имеют большое значение как для совершенствования внутреннего законодательства и правоприменительной практики, так и для восстановления нарушенных прав граждан. Согласно ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации¹ (далее – *Конституция РФ*) каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Коррелируют с названным положением предписания ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, устанавливающие, что международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и ст. 79 Конституции РФ, в силу которой Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации.

Поскольку Конвенция 1950 г. ратифицирована Российской Федерацией, государство обязано исполнять вынесенные на основании ее норм постановления ЕСПЧ по жалобам против России.

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 2020. № 144.

Реализация правовых позиций ЕСПЧ в Российской Федерации осуществляется в рамках мер индивидуального и общего характера.

Мерами общего характера являются те меры, которые государство обязано принять для того, чтобы предотвратить в будущем новые нарушения, подобные тем, которые были установлены в постановлениях Суда. Большая важность мер общего характера состоит в том, что они по определению выходят за пределы конкретного дела и затрагивают широкий круг лиц. Принятие мер общего характера подразумевает прежде всего анализ причин, приведших к нарушению Конвенции 1950 г., и поиск путей устранения этих причин.

В некоторых делах причина заключается в ошибочных действиях определенных должностных лиц. Констатация нарушения, таким образом, не свидетельствует о существовании в государстве-ответчике какой-либо структурной проблемы. Однако нередко случается, что нарушения Конвенции 1950 г. совершаются органами государственной власти в результате строгого выполнения ими законных предписаний, находящихся в противоречии с той или иной нормой международного договора. В этих случаях законодательные изменения, а также изменения в правоприменительной практике будут необходимы для того, чтобы предотвратить новые нарушения Конвенции 1950 г., – это составляет основной механизм реализации мер общего характера.

Высшие судебные органы Российской Федерации неоднократно подтверждали статус правовых позиций ЕСПЧ в качестве основы для изменения правоприменительной практики, а также внесения изменений в законодательство Российской Федерации. В частности, согласно подп. «в» п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»¹ суды наряду с нормативными правовыми актами должны учитывать в процессе отправления правосудия постановления Европейского Суда, в которых дано

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.

толкование положений Конвенции, подлежащих применению в данном деле.

Стоит также отметить абз. 3 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», согласно которому Российская Федерация как участник Конвенции «признает юрисдикцию Европейского Суда обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации. Поэтому применение судами Конвенции должно осуществляться с учетом практики ЕСПЧ во избежание любого нарушения Конвенции...»¹.

Существенное влияние постановления ЕСПЧ оказывают и на решения Конституционного Суда Российской Федерации (далее – *Конституционный Суд РФ*). Довольно часто Конституционный Суд РФ для подтверждения своей позиции ссылается на постановления Европейского Суда в целях обоснования своих решений в соответствии с принципами и нормами международного права.

Так, в постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 47 и части 2 статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова»² Конституционный Суд РФ, сославшись на ряд постановлений Европейского Суда, воспринял не только содержащиеся там конкретные правовые позиции, но и общий подход, заключающийся в том, что для определения прав обвиняемого и подозреваемого значимым является не формальное правовое признание лица таковым на основании процессуальных актов органов дознания, следствия

¹ Российская газета. 2003. № 244.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882.

или прокуратуры (предъявление обвинения либо объявление протокола задержания или постановления о применении меры пресечения в виде заключения под стражу), а фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование, когда уполномоченными органами власти предприняты меры, реально ограничивающие его свободу и личную неприкосновенность, в том числе свободу передвижения (удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов и т. п.). В противном случае, отметил Конституционный Суд РФ, реализация права на защиту и права пользоваться помощью адвоката (защитника) ставится в зависимость от усмотрения этих органов, что открывает возможность для недопустимых произвольных властных действий в отношении лица, чьи конституционные права и свободы ограничиваются (пп. 2 и 3 мотивировочной части, п. 1 резолютивной части).

В своем постановлении от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова»¹ Конституционный Суд РФ в очередной раз подчеркнул значение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, указав, что Конвенция ратифицирована Российской Федерацией, вступила в силу на ее территории и, следовательно, является составной частью ее правовой системы. Конституционный Суд РФ также отметил значение положения последнего абзаца ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пояснив, что Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда и обязалась привести правоприменительную, в том числе судебную, практику в полное соответствие с обязательствами Российской Федерации, вытекающими из участия в Конвенции и Протоколах к ней.

¹ Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 3.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, при применении Конвенции суды должны учитывать (применять) все постановления Европейского Суда (а не только вынесенные в отношении России), которые развивают толкование международного договора. Вследствие этого Конституционный Суд РФ во многих своих постановлениях учитывает постановления Европейского Суда, в том числе вынесенные против других государств. Например, в постановлении Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бутмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова»¹ Конституционный Суд РФ в подтверждение своей позиции приводит решение Европейского Суда по аналогичному делу «Боуман против Соединенного Королевства»². В этом деле Европейским Судом была высказана позиция о том, что в Конвенции 1950 г. понимается под свободными выборами, свободой слова и свободой политической дискуссии.

Таким образом, не являясь официальным источником российского права, правовые позиции ЕСПЧ оказывают большое влияние на правоприменительную деятельность. Кроме того, проводником, связующим звеном между международным правом и национальной правовой системой фактически является Конституционный Суд РФ, в актах которого неоднократно были применены логика и правовые позиции Суда³.

Средством, позволяющим ЕСПЧ исключить возможное «повторение тех же выводов в целом ряде дел», выступает

¹ Российская газета. 2003. № 221.

² Постановление ЕСПЧ от 19 февраля 1998 г. по делу «Боуман против Соединенного Королевства» (жалоба № 24839/94) // ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58134> (дата обращения: 01.06.2021).

³ Мартынов О. А. Влияние решений Европейского Суда по правам человека на правовую систему Российской Федерации // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1 (18). С. 146.

возможность использования им процедуры так называемого пилотного постановления, посредством которого Европейский Суд может прямо указать на существование структурных проблем в национальном законодательстве или правоприменительной практике и указать конкретные меры или действия, которые следует принять государству-ответчику для их устранения. Постановления выносятся в тот момент, когда Европейскому Суду становится очевидным, что против государства в течение продолжительного времени подаются однотипные жалобы от никак не связанных друг с другом лиц. Пилотные постановления призваны побудить государства предпринимать меры общего характера.

Первым для Российской Федерации стало пилотное постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов против России (№ 2)» (жалоба № 33509/04)¹. Суть жалобы заключалась в том, что ликвидатору аварии на Чернобыльской атомной электростанции Анатолию Бурдову в течение многих лет не осуществлялись денежные выплаты, положенные ему в соответствии с законодательством. При этом органами исполнительной власти Российской Федерации не исполнялись решения российских судов, которые обязывали осуществить такие выплаты. Судом было констатировано, что в данном деле Российская Федерация дважды нарушала собственное законодательство: не выплачивала положенные по закону деньги и игнорировала судебные решения национальных судов. В названном постановлении ЕСПЧ с учетом положений ст.ст. 1 и 46 Конвенции указал на то, что Российской Федерации необходимо принять меры общего характера для обеспечения права заявителя, которое Европейский Суд признал нарушенным. Было особо подчеркнуто, что такие меры должны быть приняты и в отношении других лиц, находящихся в положении заявителя, прежде всего путем устранения проблем, которые повлекли выводы ЕСПЧ.

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90671> (дата обращения: 07.06.2021).

Изменения в нормативной базе в качестве мер общего характера являются важным условием качественной реакции государства на нарушения, установленные в постановлениях ЕСПЧ. За последние годы правовые позиции Европейского Суда стали основанием для внесения изменений в большое количество правовых актов Российской Федерации, в том числе тех, которые касаются деятельности органов внутренних дел.

В частности, для обеспечения реализации прав подозреваемых и обвиняемых на обращение в ЕСПЧ с учетом выводов Европейского Суда, изложенных в постановлении от 10 июня 2010 г. по делу «Захаркин против России» (жалоба № 1555/04)¹, был принят Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 193-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона „О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”»². В данную норму были внесены положения о том, что подозреваемым и обвиняемым на основании письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, предоставляются свидания с их представителями в ЕСПЧ и лицами, оказывающими им юридическую помощь в связи с намерением обратиться в Суд.

Также в рамках выполнения постановления Европейского Суда от 28 октября 2010 г. по делу «Борис Попов против России» (жалоба № 23284/04)³ Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации»⁴ в законодательство Российской Федерации введены положения, направленные на защиту от произвольного вмешательства в право на уважение корреспонденции осужденных к лишению свободы.

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-99226> (дата обращения: 07.06.2021).

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3399.

³ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101323> (дата обращения: 07.06.2021).

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 53 (ч. I). Ст. 7629.

В рамках выполнения упомянутого выше пилотного постановления Европейского Суда от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов против России (№ 2)», а также 255 постановлений ЕСПЧ, входящих в группу дел «Тимофеев», были приняты федеральные законы от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»¹ и № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”», которыми создано внутригосударственное средство правовой защиты от нарушений права, связанного с несоблюдением разумных сроков исполнения судебного акта, предусматривающее обращение взыскания на средства бюджетной системы Российской Федерации.

Данное средство правовой защиты признано Европейским Судом эффективным по смыслу Конвенции.

Проблемы правового регулирования, обозначенные в постановлении ЕСПЧ от 6 июня 2013 г. по делу «Авилкина и другие против России» (жалоба № 1585/09)², были разрешены путем внесения изменений в законодательство Российской Федерации, в частности Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в связи с уточнением полномочий органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам обработки персональных данных»³. Также был издан приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 22 ноября 2013 г. № 506 «Об утверждении и вве-

¹ Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 18. Ст. 2144.

² ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-120071> (дата обращения: 07.06.2021).

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 30 (ч. I). Ст. 4038.

дении в действие Инструкции о порядке обработки в органах прокуратуры Российской Федерации персональных данных, полученных в связи с осуществлением прокурорского надзора»¹ и принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»².

Таким образом, реализация правовых позиций ЕСПЧ в рамках мер общего характера осуществляется в России как путем внесения изменений в законодательство и подзаконные нормативные правовые акты, так и путем изменения правоприменительной практики высшими судами Российской Федерации.

§ 1.2. Особенности реализации правовых позиций Европейского Суда по правам человека в рамках мер индивидуального характера

В терминологии ЕСПЧ под **мерами индивидуального характера** понимаются действия, которые должно предпринять государство, признанное нарушителем Конвенции 1950 г. или Протоколов к ней, в целях восстановления нарушенных прав конкретного лица (лиц). Данный вид мер не предполагает применения в отношении широкого круга лиц и реализуется индивидуально.

Меры индивидуального характера применяются для устранения последствий нарушения прав человека путем их восстановления (если это возможно на момент вступления в силу постановления Суда). Однако во многих случаях восстановить нарушенное право оказывается невозможным вследствие самого характера нарушения. К примеру, при нарушении ст. 3 Конвенции в части применения пыток, жестокого или бесчеловечного обращения нет возможности восстановить ситуацию в том виде, в котором она существовала до совершения нарушения: пытки

¹ Законность. 2014. № 2 (952).

² Российская газета. 2013. № 145.

уже имели место, а человек испытал страдания. Единственной компенсацией в данном случае может быть компенсация ущерба в виде возмещения расходов на восстановление здоровья (если имел место физический ущерб) либо возмещения морального вреда. В некоторых делах ущерб, нанесенный заявителю, может быть реально компенсирован только принятием государством-ответчиком специальных решений, которые позволят хотя бы частично восстановить прежнюю ситуацию. Примерами таких решений являются снятие наложенной в нарушение Конвенции 1950 г. судимости и восстановление лица в утраченных правах.

В постановлениях ЕСПЧ меры индивидуального характера имеют, как правило, две формы: выплата денежной компенсации и (или) обязанность восстановить нарушенное право.

В первом случае в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 29 марта 1998 г. № 310 «Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителе Министра юстиции Российской Федерации»¹ Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместитель Министра юстиции Российской Федерации (далее – *Уполномоченный при ЕСПЧ*) в установленный срок информирует органы государственной власти, которые являются заинтересованными сторонами, а также Минфин России о вступлении постановления ЕСПЧ в силу. Данные органы в установленный срок (как правило, от одного до трех месяцев) после получения извещения от Уполномоченного при ЕСПЧ обеспечивают исполнение постановления в полном объеме. Также об этом информируются Конституционный Суд РФ, Верховный Суд Российской Федерации (далее – *Верховный Суд РФ*), Генеральная прокуратура Российской Федерации.

В случае вынесения Европейским Судом постановления с присуждением заявителю компенсации за причиненный вред Уполномоченный при ЕСПЧ оформляет и направляет необхо-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 14. Ст. 1540.

димые для осуществления выплаты документы в Минфин России, который не позднее чем через 15 дней после их получения осуществляет соответствующую выплату заявителю и направляет Уполномоченному при ЕСПЧ копии подтверждающих платежных документов.

Если непосредственно заявитель не имеет возможности производить банковские операции (например, отбывает наказание в местах лишения свободы по приговору суда), за него это вправе сделать родственник или представитель по нотариальной доверенности. Назначенная судом сумма выплачивается полностью в национальной валюте по официальному курсу, действующему на день выплаты.

Однако меры индивидуального характера не могут ограничиваться выплатой денежной компенсации. Это подтверждено позициями высших судов. В постановлении Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой»¹ указывается, что, исходя из особенностей полномочий ЕСПЧ, которые основаны на принципе субсидиарности, а также специфики рассматриваемых им дел, не всякое его решение, обязывающее государство-ответчика выплатить соответствующую денежную компенсацию, обеспечивает тем самым и полное восстановление нарушенного права.

Заслуживает внимания и п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»². Оценивая названное постановление, следует отметить, что оно, по сути, является изложением Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (2000) 2 «По пересмотру дел и возобновлению

¹ Российская газета. 2010. № 51.

² Там же. 2013. № 145.

производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека»¹, в которой государствам-участникам предложено удостовериться, что на национальном уровне существуют адекватные возможности для того, чтобы достигнуть *restitutio ad integrum* (восстановления в первоначальное положение), включая возможности повторного открытия и пересмотра дела. Так, в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ указано, что отмена (изменение) судебного акта, при вынесении которого было допущено нарушение положений Конвенции или Протоколов к ней, исходя из обстоятельств дела сама по себе может являться достаточной для восстановления нарушенных прав и свобод без денежной компенсации морального вреда.

В соответствии с этими позициями другой мерой индивидуального характера, принимаемой при исполнении решений ЕСПЧ, является пересмотр внутренними судами дел, в которых было установлено нарушение Конвенции или Протоколов к ней.

В постановлениях ЕСПЧ не устанавливаются порядок и процедура восстановления нарушенных прав. Каждое государство-ответчик закрепляет в своем внутреннем законодательстве процессуальные нормы, обеспечивающие выполнение данного решения. Таким образом, процедуры восстановления нарушенных прав могут меняться в зависимости от национальной правовой системы государства – члена Совета Европы. В отдельных случаях это судебная процедура, но в других могут иметь место иные процедуры. Следует отметить, что судебное решение, принятое национальными судами, не подлежит пересмотру в системе международного правосудия. Однако принятое государством обязательство исполнять вступившие в силу постановления ЕСПЧ обуславливает наличие в национальном законодательстве механизма восстановления нарушенных прав заинтересованных лиц в случае, если эти права не могут быть восстановлены только путем присуждения и выплаты денежной компенсации.

¹ Российская газета. 2001. № 12.

Действующее в настоящее время регулирование процедур пересмотра вступивших в законную силу решений судов в связи с установлением ЕСПЧ нарушения Конвенции 1950 г. подразумевает возможность такого пересмотра в отношении только конкретного заявителя, в деле которого ЕСПЧ установил нарушение. При этом далеко не всякое нарушение должно повлечь пересмотр. Эта мера может быть реализована в том случае, если нарушение норм Конвенции прямо повлияло на существо принятого решения.

Так, в соответствии с абз. 2 п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 судебный акт подлежит пересмотру в том случае, если заявитель продолжает испытывать неблагоприятные последствия такого акта (например, если лицо продолжает находиться под стражей в нарушение положений Конвенции) и выплаченная заявителю справедливая компенсация, присужденная Европейским Судом во исполнение ст. 41 Конвенции, либо иные средства, не связанные с пересмотром, не обеспечивают восстановление нарушенных прав и свобод.

Таким образом, пересмотру, как правило, подлежат судебные акты, если одновременно соблюдаются два условия:

1. Нарушение Конвенции существенно повлияло на принятое решение.
2. Последствия принятого с нарушением Конвенции решения не могут быть устранены одной лишь выплатой присужденной ЕСПЧ компенсации.

Процедуры реализации мер индивидуального характера на основе постановления ЕСПЧ начинаются с возобновления производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, которые предусмотрены процессуальными кодексами Российской Федерации (например, п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

(далее – *УПК РФ*), п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации², п. 4 ч. 1 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации³). Днем открытия новых или вновь открывшихся обстоятельств считается день вступления в силу постановления ЕСПЧ.

Если ЕСПЧ установил нарушение Конвенции или Протоколов к ней, допущенное в рамках гражданского, административного или арбитражного судопроизводства, то возобновление дела происходит в тех же инстанциях, где такое нарушение было допущено.

В том же случае, если установленное нарушение имело место в рамках уголовного процесса, то пересмотр дела осуществляется Президиумом Верховного Суда РФ по представлению Председателя Верховного Суда РФ не позднее одного месяца со дня поступления данного представления (ч. 5 ст. 415 УПК РФ). Законом не оговорено, в какие сроки данное представление должно быть внесено. Основанием пересмотра дела в любом случае становится установление причинно-следственной связи между правовой позицией ЕСПЧ по конкретному делу и имевшим место нарушением.

По этому поводу Конституционный Суд РФ в 2016 г. указал, что определение и постановление суда могут быть отменены только ввиду вновь открывшихся обстоятельств, которые могли повлиять на ход разбирательства. В частности, это было подтверждено в рамках рассмотрения дела М. В. Петрова, осужденного

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 19. Ст. 1709.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391.

за совершение тяжких преступлений, в отношении которого ЕСПЧ установил нарушение принципа презумпции невиновности, наличие неудовлетворительных условий содержания под стражей и признал Российскую Федерацию нарушившей Конвенцию. Верховный Суд РФ отказался пересматривать дело вследствие того, что установленное ЕСПЧ нарушение не влияет на виновность лица в совершении преступлений. Конституционный Суд РФ в своем определении от 14 января 2016 г. № 13-О «По жалобе гражданина Петрова Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав частью 1 и подпунктом „б” пункта 2 части 4 статьи 413, частью 5 статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹ указал, что УПК РФ, действительно, признает новым обстоятельством установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела. Однако упоминание Европейским Судом возможности смягчения уголовного наказания как формы компенсации заключенным под стражу в связи с нарушениями лишь ориентирует правоприменителя на такую возможность, но не предполагает пересмотра приговора. А неудовлетворительные условия содержания под стражей, за которые ЕСПЧ присуждена компенсация, сами по себе не являются обстоятельством, исключаящим преступность и наказуемость деяния. В дальнейшем в рассмотрении жалобы было отказано.

Пересмотр приговора, определения или постановления суда по обстоятельствам, указанным в пп. 1 и 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, осуществляется Президиумом Верховного Суда РФ по представлению Председателя Верховного Суда РФ не позднее одного месяца со дня поступления данного представления. По результатам рассмотрения представления Президиум Верховного Суда РФ отменяет или изменяет судебные решения по уголовному делу в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ

¹ Конституционный Суд РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision222254.pdf> (дата обращения: 08.06.2021).

или постановлением Европейского Суда. Копии постановления Президиума Верховного Суда РФ в течение трех суток направляются в Конституционный Суд РФ, лицу, в отношении которого принято постановление, прокурору и Уполномоченному при ЕСПЧ.

Реализация правовых позиций ЕСПЧ в форме пересмотра судебных решений не всегда бывает возможной даже в случае, когда установленное нарушение повлияло на ход разбирательства. Сейчас существует несколько обстоятельств, которые могут не повлечь пересмотра судебных решений в порядке производства по вновь открывшимся обстоятельствам.

Первое обстоятельство связано с тем, что Конституционный Суд РФ принял постановление от 14 июля 2015 г. № 21-П¹, в котором указал, что постановления ЕСПЧ, противоречащие Конституции РФ, могут быть признаны неисполнимыми исходя из принципа верховенства Основного закона.

В частности, было определено, что суды Российской Федерации, осуществляющие производство по пересмотру вступившего в законную силу судебного акта в отношении лица, по жалобе которого было принято постановление ЕСПЧ, констатирующее нарушение Конвенции, обязаны приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке его соответствия Конституции РФ.

На основании данного постановления были внесены изменения в Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона „О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона „О международных договорах Российской Федерации”, частей 1 и 4 статьи 11, пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части 4 статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. 2015. № 163.

№ 1-ФКЗ «О конституционном Суде Российской Федерации»¹, согласно которым установлен порядок признания постановления ЕСПЧ неисполнимым. Полномочиями по осуществлению проверки на соответствие Конституции РФ вступивших в силу постановлений ЕСПЧ наделен Конституционный Суд РФ.

Уполномоченный при ЕСПЧ на основании заключения федеральных государственных органов, на которые возложена обязанность в пределах своей компетенции принимать меры по исполнению решений ЕСПЧ, вправе обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о разрешении вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

Таким образом, если Конституционный Суд РФ констатирует невозможность исполнения в целом или в части постановления ЕСПЧ в соответствии с Конституцией РФ, какие-либо действия (акты), направленные на исполнение соответствующего постановления, в Российской Федерации осуществляться (приниматься) не могут.

Характерным примером такой ситуации стало постановление ЕСПЧ от 4 июля 2013 г. № 12-П по делу «Анчугов и Гладков против России» (жалобы № 11157/04 и 15162/05)².

Заявители были осуждены в Российской Федерации за совершение особо тяжких преступлений и находились в местах лишения свободы. Заявители жаловались на лишение избирательных прав и невозможность участвовать в ряде выборов, проходивших в России. Им было отказано в реализации данного права избирательными комиссиями и судами Российской Федерации на основании ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, которая предусматривает то, что не имеют права избирать и быть избранными лица, находящиеся в местах лишения свободы по приговору

¹ Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 51 (ч. I). Ст. 7229.

² ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122260> (дата обращения: 02.06.2021).

суда, вступившему в законную силу. В своем постановлении по данному делу ЕСПЧ признал нарушение ряда статей Конвенции, подчеркнув, что в то время как, действительно, большая категория лиц (содержащихся под стражей в период судебного разбирательства) сохраняет право на участие в голосовании, лишение избирательных прав тем не менее касается большой группы преступников и наказаний в виде лишения свободы от двух месяцев (минимально) до пожизненного заключения. Также в числе лишенных данного права лиц присутствуют лица, отбывающие наказание за преступления сравнительно небольшой тяжести и особо тяжкие преступления. Фактически ч. 3 ст. 32 Конституции РФ вводит бланкетное ограничение для всех осужденных заключенных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, не предусматривая никакой дифференциации.

После вступления в силу данного постановления ЕСПЧ Минюст России усмотрел возможное противоречие между правовой позицией международного суда и Конституцией РФ и в соответствии с законодательством обратился в Конституционный Суд РФ.

Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П выработал позицию, в соответствии с которой постановление ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» не может быть исполнено, поскольку для этого потребовалось бы или нарушить действующую Конституцию РФ, или внести в нее изменения¹. Но даже внесение изменений не позволило бы реализовать правовую позицию международного суда, поскольку изменения не могут иметь обратную силу. В частности, Конституционный Суд РФ указал, что в 1996 г. Россия подписала, а в 1998 г. ратифицировала Конвенцию 1950 г., исходя из того, что ч. 3 ст. 32 Конституции РФ

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу „Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. 2016. № 95.

полностью согласуется с предписаниями ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции и потому не нуждается в каком-либо изменении. Никаких вопросов, связанных с возможными противоречиями между ними, не возникало и у Совета Европы. Иными словами, и Россия, и Совет Европы признавали, что ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции к моменту ее ратификации Российской Федерацией и ч. 3 ст. 32 Конституции РФ находятся в полном соответствии друг с другом. Вместе с тем в деле «Анчугов и Гладков против России» ЕСПЧ осуществил «эволютивное» толкование Конвенции, которое не получило в настоящее время всеобщего признания. Однако в контексте действия ч. 3 ст. 32 Конституции РФ в системе уголовного законодательства и основанной на нем судебной практики приговор суда – это не только формальное основание для лишения лица свободы, но и главный непосредственный источник его специального правового статуса как осужденного, что влечет для него и ограничение избирательных прав.

Следует отметить, что в ходе конституционной реформы, предложенной Президентом Российской Федерации в январе 2020 г., был поднят вопрос о выявлении правовой определенности в части соотношения положений актов, выносимых международными судебными органами, и норм Конституции РФ. В итоговом варианте поправок данный аспект затронул ст. 79, п. «б» ч. 5.1 ст. 125. Статья 79 дополнена следующей нормой: решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в Российской Федерации. Этот аспект напрямую влияет на возможность исполнения постановлений ЕСПЧ на территории Российской Федерации. Статья 125 Конституции РФ в новой редакции предусматривает закрепление полномочий Конституционного Суда РФ и основных процедур по рассмотрению вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании.

Однако следует отметить, что данная конституционная норма всего лишь институализирует на высшем юридическом уровне то положение, которое было закреплено поправками в Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О конституционном Суде Российской Федерации». У Конституционного Суда РФ до принятия поправки к Конституции РФ уже сформировалась практика проверки на соответствие конституционным нормам отдельных постановлений ЕСПЧ, в отношении которых возникают сомнения в их исполнимости. Анализ норм показывает, что в ходе конституционной реформы произошел перенос уже сформированных норм и практики в текст Основного закона. Данные изменения, безусловно, повлияют на практику исполнения постановлений ЕСПЧ, поскольку многие ответственные за данный процесс органы государственной власти будут активнее обращаться в Конституционный Суд РФ при возникновении сомнений относительно возможности реализации решения межгосударственного органа.

В заключение следует отметить, что в ряде случаев реализация правовых позиций ЕСПЧ в форме пересмотра судебных решений не осуществляется в силу того, что решение, обеспечивающее восстановление нарушенных прав, было принято другим органом власти. Примером может служить постановление Президиума Верховного Суда РФ от 3 сентября 2014 г. № 100-П14. В нем ставился вопрос о возобновлении производства по делу в отношении гражданина Таджикистана Ф. Ф. Сидикова ввиду новых обстоятельств в связи с тем, что ЕСПЧ установил нарушение положений Конвенции 1950 г. при производстве по делу¹. Ф. Ф. Сидиков, полагая, что его права нарушены, обратился с жалобой, указывая, что в случае его выдачи в Таджикистан возникнет реальная опасность, что он подвергнется пыткам и жестокому обращению. ЕСПЧ в своем постановлении от 20 июня 2013 г.

¹ Постановление ЕСПЧ от 20 июня 2013 г. по делу «Сидиковы против России» (жалоба № 73455/11) // ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-120971> (дата обращения: 08.06.2021).

по делу «Сидиковы против России» указал, что исполнение решения о выдаче Ф. Ф. Сидикова по запросу в Республику Таджикистан повлечет за собой нарушение ст. 3 Конвенции 1950 г., поскольку предоставленные Таджикистаном гарантии не являются сами по себе достаточными для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения в тех случаях, когда имеется надежная информация о практике действий или попустительстве властей, которые явно противоречат принципам Конвенции. Однако в постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 3 сентября 2014 г. № 100-П14 было указано на отсутствие оснований для пересмотра определения Московского городского суда от 14 сентября 2011 г., которым жалоба на постановление о выдаче была оставлена без удовлетворения, поскольку судебное постановление от 30 июня 2011 г. о выдаче Ф. Ф. Сидикова по запросу Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан было отменено заместителем Генерального прокурора Российской Федерации 26 июня 2014 г.

Таким образом, помимо денежной компенсации реализация правовых позиций ЕСПЧ в рамках мер индивидуального характера может быть осуществлена в следующих формах:

- возобновление судебного разбирательства;
- отмена судебного решения;
- вынесение оправдательного приговора;
- снятие судимости;
- освобождение из-под стражи;
- отмена решения о выдаче.

Вместе с тем решения, связанные с отменой ранее принятых судебных актов, должны не только быть обусловлены установлением нарушения со стороны государства Европейским Судом, но и существенным образом повлиять на окончательное решение, установление вины лица и другие обстоятельства дела, позволившие привлечь лицо к ответственности. Другим важнейшим условием исполнения постановления ЕСПЧ в части мер индивидуального характера является непротиворечие правовых позиций международного суда Конституции РФ.

Глава II. Анализ правовых позиций по жалобам на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации

§ 2.1. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на ненадлежащие условия содержания в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых, в специальных помещениях для лиц, задержанных за административные правонарушения, а также при их транспортировке

Данный вид жалоб является одним из самых распространенных в отечественной практике обращения в ЕСПЧ. Это во многом объясняется фактами несоблюдения российскими правоохранительными органами международных обязательств и положений собственного законодательства о порядке содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых (в том числе Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹). Аналогичным образом выглядит и практика в отношении жалоб из многих других стран – членов Совета Европы. Вследствие этого в контексте содержания под стражей ЕСПЧ рассматривал самые разные аспекты нарушения ст. 3 («Запрещение пыток») Конвенции.

Квалификация: все жалобы такого рода, по которым установлено нарушение Конвенции, были в числе прочего квалифицированы по ст. 3 Конвенции, которая также предусматривает запрет на бесчеловечное и унижающее обращение или наказание. В ряде постановлений ЕСПЧ указывалось, что понятие **бесчеловечного обращения** как минимум подразумевает такое обращение, при котором намеренно причиняются глубокие

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2759.

страдания – как моральные, так и физические, – которые в данной конкретной ситуации не могут быть оправданны. Термин «пытка» обычно применяется для описания бесчеловечного обращения, имеющего такую цель, как получение информации или признания, или применение наказания, и является, по общему правилу, ухудшенной формой бесчеловечного обращения. Обращение с лицом или его наказание могут быть квалифицированы как унижающие достоинство, если они в значительной степени унижают его перед лицом других или же вынуждают его действовать против своей воли или совести. Все эти элементы содержания в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел (далее – *ИВС* или *изолятор временного содержания*) имеют большое значение для квалификации.

Типичные нарушения

Некоторые проблемы, связанные с неудовлетворительными условиями содержания лиц в ИВС, были подняты Европейским Судом в постановлении от 19 июля 2007 г. по делу «Трепашкин против России» (жалоба № 36898/03)¹. Обстоятельства жалобы сводились к следующему:

1) заявитель был задержан в 2003 г. по подозрению в совершении преступления (незаконное хранение оружия и боеприпасов) и сначала помещен в изолятор временного содержания УВД г. Дмитрова Московской области;

2) заявитель утверждал, что в камере были неудовлетворительные условия содержания. В частности, он указывал на грязный пол, наличие насекомых, отсутствие отопления, постельных принадлежностей, тусклый круглосуточный свет, отсутствие раковины и горячей воды;

3) по утверждению заявителя, с момента задержания ему не было предоставлено ни одной прогулки;

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-81801> (дата обращения: 03.06.2021).

4) размеры камеры были менее 6,6 м² – меньше, чем утверждали власти Российской Федерации.

Российская сторона оспаривала ряд утверждений заявителя в процессе рассмотрения дела в ЕСПЧ. Однако было признано, что на протяжении более 20 дней содержания в ИВС специальное помещение, предназначенное для прогулок, находилось на ремонте и заявитель, действительно, не мог воспользоваться данным правом.

Обосновывая свою позицию по факту нарушения ст. 3 Конвенции, ЕСПЧ отметил, что *«законные меры, связанные с лишением лица свободы, могут часто включать в себя элементы страдания и унижения. <...> Государство должно обеспечить, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, которые совместимы с уважением его человеческого достоинства, чтобы порядок и способ исполнения такой меры не подвергали лицо моральным переживаниям и страданиям, интенсивность которых превышает неизбежный уровень страдания, присущий содержанию под стражей, и чтобы – принимая во внимание практические потребности, вытекающие из применения такой меры, как лишение свободы, – здоровье лица и его благополучие обеспечивались бы надлежащим образом»*¹ (п. 91 постановления ЕСПЧ от 19 июля 2007 г. по делу «Трепашкин против России» (жалоба № 36898/03)).

Европейский Суд указал, что представленные российской стороной доводы не в полной мере доказывают отсутствие неудовлетворительных условий содержания в ИВС на момент помещения туда заявителя. При этом ЕСПЧ указал на невозможность дать однозначную оценку приемлемости содержания лица в камере размером 6,6 м², отметив, что на это может повлиять множество обстоятельств.

Аналогичные нарушения, связанные с неудовлетворительными условиями содержания в ИВС, констатировались

¹ Приводимый перевод постановления: АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902118874> (дата обращения: 16.06.2021).

в постановлении ЕСПЧ от 29 апреля 2010 г. по делу «Христофоров против России» (жалоба № 11336/06)¹. Заявитель провел в ИВС РУВД Магаданской области семь с половиной месяцев в помещении без окон, вентиляции, туалета. Помещение было сырым, покрытым плесенью, с насекомыми и низкой температурой. ЕСПЧ указал, что *«содержание под стражей в полиции в принципе занимает относительно короткий срок... Однако определенные элементарные требования в отношении материального обеспечения должны выполняться. Все полицейские камеры должны иметь достаточную площадь для такого числа лиц, которое в ней обычно размещается, соответствующее освещение (т. е. достаточное для чтения, исключая периоды сна) и вентиляцию. Желательно, чтобы в камерах было естественное освещение. Кроме того, камеры должны быть оборудованы средствами отдыха (например, прикрепленные к полу стул или скамейка), а лица, вынужденные оставаться под стражей ночью, должны быть обеспечены чистым матрацем и одеялами. Лицам, содержащимся в камерах полиции, следует разрешить отправлять естественные потребности в чистых и приличных условиях и обеспечить соответствующие условия для мытья»* (п. 14 постановления ЕСПЧ от 29 апреля 2010 г. по делу «Христофоров против России» (жалоба № 11336/06).

Сходные позиции констатировались Европейским Судом в тех случаях, когда лица, которые должны были содержаться в ИВС, провели по несколько дней в помещениях для временно доставленных лиц. Так, в постановлении ЕСПЧ от 3 марта 2011 г. по делу «Купцов и Купцова против России» (жалоба № 6110/03)² один из заявителей, в то время несовершеннолетний, был задержан по подозрению в совершении по предварительному сговору с другими лицами нескольких ограблений. Первоначально он несколько дней содержался в Красноармейском районном отделе

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-98452> (дата обращения: 03.06.2021).

² Там же. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103636> (дата обращения: 03.06.2021).

милиции г. Волгограда, в котором не было ИВС. Все содержащиеся под стражей лица находились в пяти камерах для временно доставленных. В камерах не было кроватей, постельное белье и пища не выдавались. Питьевая вода предоставлялась по требованию. Прогулки не допускались, поскольку в отделении милиции не было прогулочного двора. Имели место ограничения доступа к туалету. В данном деле Российская Федерация признала факт нарушения ст. 3 Конвенции. ЕСПЧ указал, что *«...условия содержания умаляли человеческое достоинство заявителя и порождали в нем чувства тоски и неполноценности в степени, превышающей неизбежный уровень страданий, присущий лишению свободы. Таким образом, условия содержания под стражей заявителя в камере для временно доставленных лиц в Красноармейском отделении милиции составляли бесчеловечное и унижающее достоинство обращение»* (п. 71 постановления ЕСПЧ от 29 апреля 2010 г. по делу «Купцов и Купцова против России» (жалоба № 6110/03)).

Отдельной проблемой, связанной с условиями содержания в ИВС, ЕСПЧ считает проблему «длящихся обстоятельств». Она заключается в том, что на практике подозреваемые и обвиняемые пребывают в условиях ограничения свободы значительно дольше, чем впоследствии учитывается официально. Однако в правовых позициях Суда в настоящее время нашло отражение мнение, в соответствии с которым «длящиеся обстоятельства» должны охватываться ст. 3 Конвенции. В частности, правовая позиция сводится к тому, что *«суд подтверждает свою последовательную позицию рассматривать как „длящееся обстоятельство” несколько разных периодов содержания заявителя под стражей, когда характер жалоб заявителя на условия его содержания под стражей оставался практически одинаковым. В случае повторения одних и тех же событий, таких как размещение заявителя в конвойных камерах при перевозке, даже если заявитель заключался туда не постоянно, а в определенные дни, отсутствие каких-либо значительных изменений в условиях*

перевозки, которой он регулярно подвергался, привело, по мнению Суда, к возникновению „длящегося обстоятельства“, вследствие чего под компетенцию Суда подпадает весь обжалуемый период» (п. 18 постановления ЕСПЧ от 4 мая 2017 г. по делу «Казаков и другие против России» (жалоба № 4649/08))¹.

Похожие правовые позиции по вопросам условий содержания в ИВС были высказаны Европейским Судом в таких постановлениях, как постановление от 12 марта 2009 г. по делу «Джамбекова и другие против России» (жалобы № 27238/03 и 35078/04), от 23 февраля 2016 г. по делу «Мозер против Молдавии и России» (жалоба № 11138/10), от 6 октября 2016 г. по делу «Филимонов и Фазлутдинов против России» (жалобы № 71621/13 и 381/15), от 13 декабря 2016 г. по делу «Юнзель против России» (жалоба № 60627/09), от 13 декабря 2016 г. по делу «Идалов против России (№ 2)» (жалоба № 41858/08), от 22 июня 2017 г. по делу «Мазнев и другие против России» (жалоба № 48826/08 и пять других).

В отдельных постановлениях ЕСПЧ затрагиваются проблемы, связанные с условиями содержания лиц, задержанных за административные правонарушения. Примером может служить постановление от 3 ноября 2011 г. по делу «Александра Дмитриева против России» (жалоба № 9390/05)². Заявительница утверждала, что она провела примерно 20 ч в камере для административно задержанных лиц в районном отделе внутренних дел. Она не получала питания, не пользовалась медицинской помощью и не имела возможности спать, поскольку отсутствовали кровать или постельные принадлежности. Суд констатировал нарушение ст. 3 Конвенции, указав на то, что в условиях наличия у заявительницы серьезного заболевания следственные органы не должны были игнорировать ее жалобы на условия содержания.

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-173391> (дата обращения: 03.06.2021).

² Там же. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-107196> (дата обращения: 03.06.2021).

Одним из ответов на выявленные Судом нарушения, связанные с неудовлетворительными условиями содержания подозреваемых и обвиняемых, стало принятие Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 520-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”»¹. Данным нормативным актом были введены в действие изменения относительно условий нахождения в местах принудительного содержания женщин с детьми и беременных женщин. В частности, определена норма санитарной площади в камере на каждого ребенка в возрасте до трех лет, находящегося вместе с матерью, – не менее 4 м². Женщины, имеющие при себе детей в возрасте до трех лет, и беременные женщины должны содержаться отдельно от остальных подозреваемых и обвиняемых.

Отдельные нарушения были установлены ЕСПЧ в рамках дел, которые затрагивали вопросы неудовлетворительных условий при транспортировке подозреваемых и обвиняемых. Одним из примеров дел, которые демонстрируют нарушение ст. 3 Конвенции в части неудовлетворительных условий при транспортировке, является постановление ЕСПЧ от 30 марта 2017 г. по делу «Кавалеров и другие против России» (жалоба № 55477/10 и семь других)². В данное дело были объединены жалобы нескольких лиц, которые обжаловали условия их транспортировки различными видами транспортных средств, а также содержания в транзитных камерах.

ЕСПЧ постановил, что объединенные жалобы составляют нарушение ст. 3 Конвенции в связи с ненадлежащими условиями содержания заявителей при их транспортировке. Объединению данных жалоб в одно дело способствовали факты и нарушения, которые неизменно повторялись в жалобах от лиц, не связанных между собой интересами или местом транспортировки.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 52 (ч. I). Ст. 7838.

² ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-173388> (дата обращения: 03.06.2021).

Конкретные нарушения, установленные ЕСПЧ в данном деле, сводятся к следующим фактам, которые Суд посчитал доказанными:

1) отсутствие в транспортных средствах, в которых перевозились люди, окон; нехватка свежего воздуха и естественного света, отсутствие вентиляции; отсутствие пищи и воды, а также невозможность пользоваться туалетом;

2) непредоставление сезонной одежды в условиях сильного холода (-43°C) и перевозка в таких условиях в наручниках, которые леденили кожу;

3) переполненность транспортного средства, а также недостаточное количество спальных мест при длительной транспортировке.

В рассматриваемом деле также были установлены факты, затрагивающие период времени после транспортировки и содержание под стражей. Здесь ЕСПЧ также установил нарушения, которые выразились в следующем:

1) переполненность помещения: в камере, рассчитанной на двух заключенных, содержались 15 человек, постоянно присутствовал тусклый электрический свет, в туалете отсутствовала вода, не было постельных принадлежностей и постельного белья;

2) непредоставление пищи, отсутствие возможности пользования туалетом, невозможность уснуть;

3) содержание здоровых заключенных с больными, в частности с лицами, зараженными туберкулезом в открытой форме.

Перечисленные нарушения и проблемы, с которыми сталкиваются подозреваемые и обвиняемые в России, являются повторяющимися и типичными. ЕСПЧ неоднократно указывал на наличие системной проблемы не в законодательстве, а в правоприменении, когда положения действующих и вполне отвечающих стандартам Совета Европы норм на практике не всегда реализуются. В связи с этим ЕСПЧ подтвердил позицию, в соответствии с которой *«...чрезмерное ограничение пространства в тюремной камере является существенным фактором, который*

необходимо принимать во внимание при установлении того, являются ли оспариваемые условия содержания под стражей „унижающими достоинство” в значении ст. 3 и составляют ли нарушение как по отдельности, так и в совокупности с другими недостатками» (п. 7 постановления ЕСПЧ от 30 марта 2017 г. по делу «Кавалеров и другие против России» (жалоба № 55477/10 и семь других).

При рассмотрении вопроса о соответствии условий перевозки в одиночных камерах транспортных средств Европейский Суд учитывает выводы Европейского комитета по предупреждению пыток о том, что одиночные отделения площадью 0,4–0,8 м² непригодны для перевозки человека независимо от продолжительности поездки (пп. 116 и 117 постановления ЕСПЧ от 8 ноября 2005 г. по делу «Худоеров против России»¹ (жалоба № 6847/02).

Проблема с нарушениями прав человека при транспортировке заключенных оказалась настолько острой и системной, что ЕСПЧ в 2019 г. принял пилотное постановление, констатируя, что в Российской Федерации существуют условия для повторения одних и тех же нарушений в отношении лиц и ситуаций, которые никак между собой не связаны.

В частности, в постановлении ЕСПЧ от 9 апреля 2019 г. по делу «Томов и другие против России» (жалоба № 18255/10 и пять других)² были систематизированы жалобы на неприемлемые условия перевозки как обвиняемых и подозреваемых, так и осужденных лиц различными видами транспорта, и установлено нарушение ст.ст. 3 и 13 Конвенции. Заявители (всего – шесть жалоб) утверждали, что они были переведены из пенитенциарных учреждений в бесчеловечные и унижающие достоинство условия и что у них не было соответствующих эффективных внутренних средств правовой защиты против соответствующих нарушений. Сущность жалоб сводилась к тому, что перевозка осужденных

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70865> (дата обращения: 04.06.2021).

² Там же. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-192209> (дата обращения: 05.06.2021).

лиц к местам отбывания наказания, а также обвиняемых в совершении преступлений осуществлялась в следующих условиях:

- 1) переполненность автомобильных фургонов и купе в железнодорожном вагоне;
- 2) ограничение возможности пользоваться туалетом;
- 3) отсутствие приемлемого отопления в автомобильном фургоне при значительных отрицательных температурах окружающего воздуха;
- 4) отсутствие приемлемой вентиляции в автомобильном фургоне при высокой температуре окружающего воздуха.

Также отдельные заявители указывали на неэффективность обжалования условий перевозки в рамках национальных процедур. В частности, опираясь на прецедентную практику ЕСПЧ, г-н Томов и г-н Васильев обжаловали в Верховном Суде РФ приказ Минюста России от 4 сентября 2006 г. № 279 «Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы», жалуюсь на то, что нормы вместимости, установленные в данном документе, были чрезмерно высокими и неизбежно приводили к переполненности. Однако 16 ноября 2015 г. Верховный Суд РФ отклонил эту жалобу, установив отсутствие действующих нормативных актов более высокого правового порядка, которые предусматривали бы иные параметры для камер в таких транспортных средствах (п. 62 постановления ЕСПЧ от 9 апреля 2019 г. по делу «Томов и другие против России» (жалоба № 18255/10 и пять других).

Рассматривая дело, Европейский Суд обратил внимание на несколько аспектов, которые позволили ему констатировать наличие системной проблемы в сфере соблюдения прав перевозимых лиц:

- 1) повторяющийся характер нарушения ст. 3 Конвенции в результате неадекватных условий перевозки;
- 2) географическая удаленность многих пенитенциарных учреждений, построенных вдали от крупных городов;

3) большие расстояния, на которые осуществляется перевозка;

4) старение подвижного состава, на котором осуществляется перевозка;

5) чрезвычайно ограничительные нормы и стандарты, а также отсутствие прозрачности при транспортировке заключенных.

Совокупность таких факторов позволила Суду высказать мнение о том, что требуется принятие срочных комплексных мер на национальном уровне, которые должны учитывать большое количество людей, испытывающих страдания от этой проблемы.

ЕСПЧ высказал ряд предложений по улучшению условий транспортировки заключенных и созданию эффективных механизмов рассмотрения их жалоб.

Прежде всего указывается на необходимость сокращения количества фактов направления лиц в удаленные учреждения для отбывания наказания или содержания под стражей: *«Суд отмечает, что после осуждения значительное число заключенных отправляется для отбывания наказания за тысячи километров от их родных городов или мест, где проживают их семьи. В силу исторических и географических факторов пенитенциарные учреждения распределяются неравномерно по всей территории России, и большинство из них расположено далеко от густонаселенных районов»*¹ (п. 184 постановления ЕСПЧ от 9 апреля 2019 г. по делу «Томов и другие против России» (жалоба № 18255/10 и пять других).

Также было указано на необходимость совершенствования нормативной базы, регламентирующей условия перевозки заключенных, поскольку они разрабатывались в иных социальных и исторических условиях и в настоящее время не отвечают критериям, сформированным в том числе практикой ЕСПЧ: *«...нормативно-правовая база в ее нынешнем состоянии не может*

¹ Приводимый перевод постановления: Обращения в ЕСПЧ. URL: <https://european-court-help.ru/delo-18255-10-tomova-i-drugie-protiv-rossii> (дата обращения: 16.06.2021).

предотвратить обращение, запрещенное ст. 3. Посадочные места для тюремных фургонов и железнодорожных вагонов, используемых для поездок на короткие расстояния, необходимо пересмотреть в целях обеспечения достаточного места на каждого человека и более равномерного распределения заключенных в отсеках. За исключением случаев, когда это обусловлено неотложными соображениями безопасности, следует избегать использования камер типа „стакан” с одним заключенным. Элементы, которые мешают заключенным вставать, такие как „мостовые” койки в больших купе тюремных железнодорожных вагонов, необходимо будет удалить. При длительных поездках по железной дороге особое внимание следует уделять обеспечению достойного сна для заключенных. Каждый из них должен иметь свое собственное спальное место и иметь надлежащий доступ к санитарно-техническим средствам, питьевой воде и пище» (п. 188).

Также Суд отметил необходимость индивидуализации условий перевозки при наличии у лица обстоятельств, которые способны ухудшить его физическое состояние вследствие особенностей: *«Защита уязвимых лиц должна основываться на их индивидуальных характеристиках, а не на формальной групповой классификации. Необходимо иметь положение, позволяющее компетентным органам оценивать совокупное воздействие конкретных условий перевозки на заключенных с особыми потребностями. Условия перевозки должны быть индивидуализированы и адаптированы к потребностям заключенных...» (п. 189).*

Обращая внимание на неэффективность обжалования перевозимыми лицами условий перевозки, Суд указал на необходимость создания эффективного внутреннего механизма реагирования на такие обращения, а также механизма компенсации за выявленные нарушения (п. 190).

Похожие правовые позиции по вопросам условий перевозки подозреваемых и обвиняемых были высказаны Европейским Судом в постановлениях от 4 октября 2016 г. по делу «Ярослав

Белоусов против России» (жалобы № 2653/13 и 60980/14), от 7 февраля 2017 г. по делу «Сайеров против России» (жалоба № 33071/12), от 12 октября 2017 г. по делу «Мулукоев и другие против России» (жалоба № 31044/08 и девять других), от 25 июля 2017 г. по делу «Эскерханов и другие против России» (жалоба № 18496/16 и две других), от 20 декабря 2016 г. по делу «Раджаб Магомедов против России» (жалоба № 20933/08), от 14 июня 2018 г. по делу «Байков другие против России» (жалоба № 9094/05 и четыре других), от 4 октября 2018 г. по делу «Покусин и другие против России» (жалоба № 21440/13 и девять других).

Российская Федерация признала наличие проблем, которые приводят к систематическим нарушениям прав человека при транспортировке лиц к местам отбывания наказаний, а также при транспортировке подозреваемых и обвиняемых. Одним из ответов на проблему явилось принятие Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 96-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации»¹. Закон предусматривает, что осужденное лицо может быть направлено для отбывания наказания в исправительное учреждение, расположенное в регионе по месту проживания близких родственников, а также по ходатайству переведено из одного исправительного учреждения в другое того же вида, расположенное в регионе, в котором проживает один из близких родственников. Таким образом, нормативный акт устраняет одно из условий, которое в соответствии с правовой позицией ЕСПЧ способствует возникновению нарушений при транспортировке лиц к местам отбывания наказания.

Кроме того, в целях создания эффективных механизмов рассмотрения жалоб заключенных на условия содержания и перевозки, а также восстановления нарушенных прав принят Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2026.

Федерации»¹, которым был установлен режим компенсаций гражданам за ненадлежащие условия содержания под стражей либо в исправительных учреждениях. Документом определяются процедуры, а также компетентные органы, которые вправе принимать соответствующие решения. Основанием для присуждения компенсации является решение суда, принятое в порядке административного судопроизводства. Законодательное решение позволяет снизить количество поступающих в ЕСПЧ жалоб на условия содержания под стражей или транспортировки заключенных, поскольку эти лица получают еще одну гарантию в рамках национального законодательства, что будет рассматриваться Судом в качестве одного из элементов исчерпаемости внутренних средств правовой защиты по такой категории жалоб.

Ряд правовых позиций Верховного Суда РФ затрагивает отдельные вопросы условий в местах принудительного содержания. Такие позиции в основном выражены в постановлениях и определениях, на основе которых Верховный Суд РФ отменяет или направляет на новое рассмотрение дела по вновь открывшимся обстоятельствам на основе решений ЕСПЧ. Наиболее общие консолидированные позиции отражают процессуальный порядок обжалования условий содержания под стражей. В частности, в п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (ред. от 24.05.2016) отмечается, что *«в том случае, когда при рассмотрении вопроса о продлении срока содержания... обвиняемый заявляет о ненадлежащих условиях содержания... лицу следует разъяснить, что жалобы на условия содержания рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства»*².

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 52 (ч. I). Ст. 7812.

² Российская газета. 2016. № 117.

Анализ показывает, что применительно к жалобам на ненадлежащие условия содержания в изоляторах временного содержания, в специальных помещениях для лиц, задержанных за административные правонарушения, а также при их транспортировке ЕСПЧ устанавливает, как правило, нарушение ст. 3 Конвенции в различных аспектах: в отдельных случаях это пытки (редко) и обращение, унижающее достоинство (часто). При этом основными фактами, которые служат основанием для вынесения соответствующих постановлений, становятся следующие:

1) в отношении нарушений на условия содержания в ИВС и помещениях для содержания административно задержанных лиц:

- непредоставление или несвоевременное предоставление еды, постельных принадлежностей;
- невозможность отправлять естественные потребности в ситуации уединения;
- невозможность заснуть вследствие присутствия постоянного освещения;
- размещение заключенных в помещениях, которые рассчитаны на значительно меньшее количество людей;

2) в отношении нарушений на условия транспортировки подозреваемых и обвиняемых:

- переполненность, перевозка в одиночных камерах площадью 0,4–0,8 м²;
- непригодность транспортных средств для перемещения людей ввиду отсутствия вентиляции, температурного режима и элементарных гигиенических условий;
- недопустимые действия сопровождающих сотрудников в удовлетворении естественных потребностей человека.

§ 2.2. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на жестокое обращение со стороны сотрудников органов внутренних дел

Жестокое обращение с подозреваемыми и обвиняемыми, так же как и неудовлетворительные условия содержания,

становятся частой тематикой деятельности ЕСПЧ в жалобах, подаваемых против России. И в том, и в другом случае квалификация нарушений в соответствии с Конвенцией в основном сводится к ст. 3 («Запрещение пыток») или к ст. 13 («Право на эффективные средства правовой защиты»). Последнее имеет место в том случае, когда по материалам дела усматривается, что органы государственной власти, которые должны осуществлять преследование за жестокое обращение, отказывают в возбуждении уголовных дел, необоснованно прекращают или приостанавливают их.

Как правило, заявители в жалобах указывают на связь между неудовлетворительными условиями содержания и жестоким обращением. Но ряд дел такой связи не имеет. Поэтому их следует рассматривать как две самостоятельные категории жалоб.

В большинстве дел ЕСПЧ устанавливает системные проблемы не в действующем законодательстве Российской Федерации, а в правоприменении и эксцессах, виновниками которых становятся отдельные сотрудники правоохранительных органов. При этом особое значение Суд уделяет контролю за действиями сотрудников правоохранительных органов. В ряде дел он установил нарушения именно по этой причине. Отсутствие должного контроля, наказания за деяния, непривлечение к ответственности лиц, виновных в жестоком обращении с подозреваемыми и обвиняемыми, – все это ложится в основу многих постановлений по данной тематике.

Квалификация: в большинстве случаев, если ЕСПЧ устанавливает нарушения прав человека в контексте жестокого обращения со стороны сотрудников органов внутренних дел, они квалифицируются по следующим статьям Конвенции:

- ст. 3 («Запрещение пыток»);
- ст. 6 («Право на справедливое судебное разбирательство»);
- ст. 13 («Право на эффективные средства правовой защиты»).

Рассмотрим отдельные постановления ЕСПЧ, которые были связаны с жестоким обращением со стороны сотрудников органов внутренних дел.

Типичные нарушения

В постановлении ЕСПЧ от 10 января 2017 г. по делу «Лавейкин против России» (жалоба № 10727/07)¹ рассматривалась жалоба на избиения, которым подвергся заявитель со стороны сотрудников милиции при задержании и нахождении в ИВС. Обстоятельства сводились к следующему:

1) 25 августа 2006 г. Советский районный суд г. Омска вынес постановление о заключении заявителя под стражу. В тот же день его осмотрел медицинский эксперт. Он констатировал наличие двух ссадин на лбу, которые могли быть нанесены твердым тупым предметом за 4–6 дней до освидетельствования;

2) 28 декабря 2006 г. заявитель был признан виновным в убийстве и приговорен к девяти годам лишения свободы в колонии строгого режима;

3) 21 января 2007 г. заявитель обратился к прокурору с требованием провести расследование по его жалобе на избиение сотрудниками полиции после его задержания;

4) 1 марта 2008 г. прокурор отказал в возбуждении уголовного дела;

5) на следующий день решение было отменено и было вынесено постановление о проведении дополнительной проверки.

С этого момента следственные органы вынесли не менее восьми постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по факту предполагаемого жестокого обращения, которые неоднократно отменялись. Со ссылкой на показания трех сотрудников полиции и следователя, которые отрицали какое-либо жестокое обращение или запугивание, в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела от 31 декабря 2009 г.

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170028> (дата обращения: 06.06.2021).

установлено, что утверждения заявителя были необоснованными, поскольку, согласно выводам эксперта, травмы заявителем были получены не позднее 21 августа, т. е. за три дня до его задержания. 28 июля 2015 г. прокурор Советского района г. Омска отменил постановление от 31 декабря 2009 г. и вынес постановление о проведении дополнительной проверки, которая должна была установить, был ли заявитель доставлен в отделение внутренних дел уже 20 августа 2006 г. и дежурил ли в тот день конкретный сотрудник полиции, описанный заявителем.

В данном деле ЕСПЧ, установив факт нарушения ст. 3 Конвенции 1950 г., указал на то, что «...национальные органы власти были обязаны провести эффективное расследование, удовлетворяющее требованиям ст. 3 Конвенции. <...> ...в отношении дел по обоснованным жалобам на обращение, запрещенное ст. 3 Конвенции, проведения одной доследственной проверки недостаточно для соблюдения требований об эффективном расследовании в соответствии со ст. 3 Конвенции; органы власти должны были возбудить уголовное дело и провести соответствующее расследование» (пп. 16 и 20 постановления ЕСПЧ от 10 января 2017 г. по делу «Лавейкин против России» (жалоба № 10727/07)).

Другим типичным делом, в котором рассматриваются вопросы жестокого обращения с подозреваемыми и обвиняемыми, является постановление ЕСПЧ от 17 октября 2016 г. по делу «Некрасов против России» (жалоба № 8049/07)¹. Заявитель жаловался на то, что сотрудники милиции жестоко с ним обращались с 17 по 23 ноября 2004 г. и по этому факту не было проведено эффективного расследования. Также в жалобе утверждалось, что его содержание под стражей до суда было незаконным и необоснованным. Кроме того, заявитель указывал, что ему не было предоставлено достаточно времени для ознакомления с материалами дела, тем самым он был лишен права

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-162860> (дата обращения: 06.06.2021).

на справедливое судебное разбирательство. Обстоятельства дела сводятся к следующему:

1) 17 ноября 2004 г. заявитель был насильно увезен, предположительно, сотрудниками милиции; согласно его утверждениям, задержанного сначала доставили в здание Управления по борьбе с организованной преступностью при Главном управлении внутренних дел по Тюменской области, а впоследствии в отдельный коттедж, где он подвергался различным формам жестокого обращения до 23 ноября 2004 г. Заявителя заставляли садиться на шпагат, душили полиэтиленовым пакетом, ему на голову клали книгу и били деревянным молотком, причиняя тем самым травму головы, ему выкручивали и растягивали руки и ничего не давали есть;

2) только 23 ноября 2004 г. заявитель был официально задержан и доставлен в здание Управления по борьбе с организованной преступностью при Главном управлении внутренних дел по Тюменской области для допроса и позже был помещен в ИВС. Он был осмотрен фельдшером: у него были обнаружены обширные кровоподтеки на обоих бедрах, ссадины в области переносицы и ограниченная подвижность левой руки и обеих ног;

3) 25 ноября 2004 г. заявитель был заключен под стражу в следственный изолятор, где в результате медицинского осмотра телесные повреждения были подтверждены. Позднее заявитель проходил лечение в больнице;

4) 27 апреля 2005 г. следователь по ходатайству заключенного назначил комиссию для проведения судебно-медицинского обследования заявителя, которая подтвердила факты внешнего воздействия, вследствие которого лицо может передвигаться только с помощью других людей;

5) с 30 декабря 2004 г. по 19 июля 2007 г. следователь прокуратуры Центрального района г. Тюмени вынес как минимум семь постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции или каких-либо других лиц по фактам предположительно жестокого обращения с заявителем.

Все эти постановления, за исключением последнего (от 19 июля 2007 г.), впоследствии были отменены заместителем прокурора Центрального района г. Тюмени как необоснованные, и были назначены дополнительные проверки заявления о преступлении.

В обоснование нарушения в данном деле Российской Федерацией ст. 3 Конвенции Европейский Суд сформулировал, что *«в тех случаях, когда гражданин заявляет обоснованную жалобу о жестоком обращении, включая жестокое обращение со стороны частных лиц, ст. 3 Конвенции порождает процессуальное обязательство государства провести независимое официальное расследование. <...> Чтобы расследование считалось „эффективным“, оно должно в принципе приводить к установлению фактов дела и, если утверждения подтверждаются, к установлению и наказанию виновных. Это не обязательство результата, а обязательство используемых средств. Власти должны принимать разумные меры для обеспечения доказательств инцидента, включая, в частности, свидетельские показания, вещественные доказательства. Любой недостаток в расследовании, который подрывает его способность установить причину телесных повреждений или личности виновных, может привести к нарушению этого стандарта, что в данном контексте подразумевает выполнение требования разумной оперативности. <...> ...отказ в возбуждении уголовного дела в связи с заслуживающими доверия утверждениями заявителя о получении серьезных травм в результате предполагаемого жестокого обращения в период с 17 по 23 ноября 2004 г. приравнивается к отказу провести эффективное расследование, требуемое ст. 13 Конвенции»* (пп. 83, 84, 88 постановления ЕСПЧ от 17 октября 2016 г. по делу «Некрасов против России» (жалоба № 8049/07).

Аналогичные или схожие правовые позиции по «классическим» делам о проявлении жестокости со стороны сотрудников ОВД Суд высказывал в постановлениях от 5 января 2016 г. по делу «Миникаев против России» (жалоба № 630/08), от 9 февраля 2016 г. по делу «Шлычков против России» (жалоба № 40852/05),

от 23 февраля 2016 г. по делу «Александр Андреев против России» (жалоба № 2281/06), от 9 февраля 2016 г. по делу «Зиновчик против России» (жалоба № 27217/06), от 17 января 2017 г. по делу «Барахоев против России» (жалоба № 8516/08), от 2 мая 2017 г. по делу «Ситников против России» (жалоба № 14769/09), от 2 мая 2017 г. по делу «Олисов и другие против России» (жалоба № 10825/09 и две других), от 3 октября 2017 г. по делу «Шевцова против России» (жалоба № 36620/07), от 19 декабря 2017 г. по делу «Хайруллина против России» (жалоба № 29729/09), от 5 марта 2019 г. по делу «Тиллоев против России» (жалоба № 2120/10), от 5 марта 2019 г. по делу «Габбазов против России» (жалоба № 16831/10).

В отдельных случаях по рассматриваемой категории жалоб Суд применяет расширительное толкование ст. 3 Конвенции, включая в сферу ее действия ситуации, в которых отсутствуют прямые доказательства вины сотрудников правоохранительных органов либо в которых физические или психические страдания причинены не были.

Так, ЕСПЧ в своих отдельных правовых позициях обосновывал нарушение ст. 3 Конвенции (в части жестокого обращения) по косвенным обстоятельствам, которые были неопровержимо установлены в контексте нарушения процессуального законодательства. К таким делам, в частности, можно отнести постановление ЕСПЧ от 23 февраля 2016 г. по делу «Александр Андреев против России» (жалоба № 2281/06)¹. Обстоятельства дела сводятся к следующему:

1) 15 февраля 2005 г. несовершеннолетний заявитель был приглашен в отдел внутренних дел Советского района г. Орска по повестке следователя, куда он явился в сопровождении отца и подруги. Позднее сотрудники милиции скрытно перевезли заявителя на автомобиле в другой отдел внутренних дел, не уведомив при этом его родственников;

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-161047> (дата обращения: 04.06.2021).

2) по прибытии в отдел он был допрошен оперативными сотрудниками на предмет причастности к совершению серии краж, отрицаемых заявителем; после этого, со слов заявителя, к нему были применены меры жестокого обращения с целью получить признательные показания;

3) заявитель нанес сам себе резаную травму головы, ударившись головой о стеклянную дверь. В ходе разбирательства он не отрицал, что сделал это сам по причине опасений применения к нему более жестокого обращения со стороны сотрудников милиции;

4) сотрудниками милиции была вызвана скорая помощь, работники которой обработали рану на голове заявителя, осмотрели его, не обнаружив каких-либо других повреждений;

5) после того как заявитель дал признательные показания, он был отпущен из органа внутренних дел, а через неделю был госпитализирован с жалобами на головную боль и головокружение. Медикам он сообщил, что подвергся пыткам в милиции.

В данном деле ЕСПЧ рассматривал предполагаемое нарушение ст.ст. 3, 5 и 13 Конвенции (нарушение последней – в части неэффективного расследования по факту обращения заявителя с утверждением о применении пыток). Следует отметить, что нарушение ст. 5 было признано властями Российской Федерации. В частности, они отмечали, что лишение заявителя свободы с 7 до 8 ч 15 февраля 2005 г. было произведено в нарушение ст.ст. 91 и 92 УПК РФ, которые регулируют основания и порядок ареста подозреваемого в уголовном судопроизводстве, и ст. 423 УПК РФ, касающейся усиления гарантий несовершеннолетнего подозреваемого в случае ареста в уголовном судопроизводстве.

Нарушение ст. 3 в данном деле ЕСПЧ констатировал по косвенным признакам, поскольку прямых и последовательных доказательств применения к задержанному пыток и иных жестоких мер обращения установлено не было. Суд учел, что травму головы заявитель нанес себе сам, а также то, что в медицинское

учреждение он обратился только через неделю после произошедших событий. Вместе с тем нарушение ст. 3 Конвенции было констатировано исходя из установленного факта нарушения процессуальных норм в отношении несовершеннолетнего. Суд, в частности, указал, что *«...не следует упускать из виду, что как акт самоповреждения, так и предполагаемое жестокое обращение со стороны сотрудников полиции имели место во время незаконного содержания заявителя под стражей в полиции, в то время как он полностью находился под контролем сотрудников полиции, что делало его – несовершеннолетнего в то время – особенно уязвимым»* (п. 60 постановления ЕСПЧ от 23 февраля 2016 г. по делу «Александр Андреев против России» (жалоба № 2281/06).

Похожая правовая позиция была высказана в постановлении ЕСПЧ от 1 октября 2019 г. по делу «Пастухов против России» (жалоба № 74820/14)¹. Пострадавший (а впоследствии заявитель) был доставлен в отдел внутренних дел в состоянии сильного алкогольного опьянения в результате реагирования на поступивший вызов гражданами сотрудников полиции. Заявитель нарушал общественный порядок, имел небольшие телесные повреждения, полученные им в результате падения еще до задержания (кровоподтеки, гематома). После доставления Пастухова поместили в камеру для задержанных, уложили на металлическую кровать, на которой он уснул. Позднее сотрудники полиции обнаружили заявителя на полу, без сознания. По всей видимости, во время сна он свалился с кровати, ударился головой о бетонный пол. Вызванные на место медики доставили заявителя в больницу, где была констатирована серьезная черепно-мозговая травма, в результате которой позднее лицу была присвоена I группа инвалидности. Последующие независимые медицинские экспертизы и проведенное внутреннее расследование установили, что травма не является результатом насилия, а вызвана падением

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-196295> (дата обращения: 04.06.2021).

потерпевшего с кровати в состоянии сильного алкогольного опьянения.

Тем не менее ЕСПЧ в данном деле усмотрел нарушение властями Российской Федерации ст. 3 Конвенции на основании косвенных обстоятельств. В частности, была высказана правовая позиция, в соответствии с которой задержанное лицо с признаками телесных повреждений необходимо было немедленно освидетельствовать на предмет скрытых повреждений. Тот факт, что этого не было сделано, свидетельствует о том, что *«...заявитель был лишен важной гарантии против нарушения ст. 3 Конвенции. По мнению суда, неспособность властей провести медицинское освидетельствование заявителя и должным образом зафиксировать его телесные повреждения сразу же после ареста привела к значительной задержке в его лечении и утрате существенных доказательств, которые могли бы пролить свет на время и обстоятельства, при которых он получил телесные повреждения»* (п. 46 постановления ЕСПЧ от 1 октября 2019 г. по делу «Пастухов против России» (жалоба № 74820/14).

Еще одним вариантом расширительного толкования ст. 3 Конвенции следует признать решение, вынесенное в постановлении ЕСПЧ от 25 июня 2019 г. по делу «S. S. и другие против России» (жалоба № 2236/16 и три других)¹. В нем речь идет о высылке (выдворении) или экстрадиции иностранных граждан, обвиняемых в совершении религиозных или политических преступлений в страны, где к ним могут быть применены жестокие меры обращения. Экстрадируемые и высылаемые лица заявляли российским властям о возможности применения пыток, ссылаясь на данные некоторых международных правозащитных организаций о якобы существующей в этих странах соответствующей практики. Несмотря на то, что действия российских властей осуществлялись в строгом соответствии с национальным законодательством и международными обязательствами в сфере

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-194057> (дата обращения: 04.06.2021).

оказания правовой помощи, ЕСПЧ счел возможным установить факт нарушения ст. 3 Конвенции. Основные правовые позиции сводятся к следующему: *«...Суд считает, что в ходе производства по экстрадиции и высылке национальные власти не провели тщательной проверки заявлений заявителей о том, что им угрожает опасность жестокого обращения в их странах происхождения. Суд приходит к такому выводу, рассмотрев упрощенные отказы национальных судов в удовлетворении требований заявителей»* (п. 22 постановления ЕСПЧ от 25 июня 2019 г. по делу «S. S. и другие против России» (жалоба № 2236/16 и три других).

Следует отметить, что ЕСПЧ, осуществляя расширительное толкование ст. 3 Конвенции, сформулировал устоявшиеся определения (автономные понятия) относительно формально закрепленных в ней категорий. Часть из них получила закрепление в отдельных постановлениях, принятых по жалобам против России. Например, в постановлении ЕСПЧ от 10 июля 2018 г. по делу «Абдуркадыров и Дахтаев против России» (жалоба № 35061/04)¹ Суд формулирует понятия «бесчеловечное обращение» и «унижающее достоинство обращение»: *«Суд счел обращение „бесчеловечным“, поскольку оно было преднамеренным, применялось в течение нескольких часов подряд и причинило либо реальные телесные повреждения, либо сильные физические и психические страдания. Обращение считалось „унижающим достоинство“, когда оно вызывало у жертв чувство страха, страдания и неполноценности, способное унижить их и, возможно, сломить их физическое или моральное сопротивление или когда оно побуждало жертву действовать против своей воли или совести. <...> Помимо суровости обращения существует целенаправленный элемент пытки, признанный в Конвенции Организации Объединенных Наций против пыток, которая в ст. 1 определяет пытку как*

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-184489> (дата обращения: 04.06.2021).

умышленное причинение сильной боли или страдания в целях получения информации, наказания или запугивания» (п. 69 постановления ЕСПЧ от 10 июля 2018 г. по делу «Абдуркадыров и Дахтаев против России») (жалоба № 35061/04).

В данном деле, как и во многих других, просматривается использование Судом правовых категорий, которые закреплены не в Конвенции 1950 г. или протоколах к ней, а в иных международных правовых актах, в том числе не составляющих право Совета Европы.

Таким образом, правовые позиции Европейского Суда по жалобам на жестокое обращение со стороны сотрудников органов внутренних дел имеют материальную и процессуальную составляющую.

Материальный аспект связан с квалификацией конкретных действий представителей власти как жестоких, не соответствующих требованиям ст. 3 Конвенции.

Процессуальный аспект выражается в том, что расследование по заявлениям о жестоком обращении либо не проводится вообще, либо многократно прекращается и возобновляется, что не способствует установлению истины и нарушает ст. 13 Конвенции. ЕСПЧ неоднократно отмечал в постановлениях по делам против России, что государственные органы, полномочные и обязанные проводить эффективное расследование фактов жестокого обращения, игнорировали поступавшие сообщения или относились к ним поверхностно. В этом случае ЕСПЧ усматривает нарушение прав подозреваемых и обвиняемых в отсутствии должных мер со стороны уполномоченных органов по пресечению фактов жестокого обращения и их расследованию.

Также значительный массив правовых позиций отражает расширительный и «эволютивный» характер толкования ст. 3 Конвенции, в результате чего ее содержание и смысл значительно расширяются, охватывая ситуации, в которых Российская Федерация признается нарушившей Конвенцию лишь по косвенным обстоятельствам.

§ 2.3. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека в отношении нарушений при задержании

Среди жалоб, затрагивающих деятельность МВД России, одними из наиболее распространенных являются жалобы на незаконность задержания.

Квалификация: в большинстве случаев, если ЕСПЧ устанавливает нарушения прав человека при задержании, они квалифицируются по ст. 5 («Право на свободу и личную неприкосновенность») Конвенции:

- по п. «b» ч. 1 – правомерность задержания за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или в целях обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

- по п. «с» ч. 1 – законность задержания лица, произведенного с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

- по п. «f» ч. 1 – задержание лица в целях предотвращения его незаконного въезда в страну или лица;

- по ч. 4 – право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности заключения под стражу и на освобождение.

В отдельных и довольно редких случаях ЕСПЧ квалифицировал нарушения при задержании по ст. 2 («Право на жизнь») Конвенции в контексте несоблюдения государством своих негативных обязательств, т. е. обязанности воздерживаться от произвольного и незаконного лишения жизни. В рассматриваемой категории дел жалобы затрагивали вопросы несоразмерного применения силы при задержании, а также несоблюдения процедурного порядка такого акта со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Типичные нарушения

1. Процессуальные неточности и несоответствие процессуальных документов фактическим обстоятельствам дела.

Данная категория нарушений характеризуется тем, что сотрудники правоохранительных органов, осуществляющие задержание, умышленно или вследствие халатности не составляют соответствующих документов, предусмотряваемых процессуальным законодательством по административным и уголовным делам, лишая тем самым задерживаемого отдельных юридических гарантий права на защиту и оспаривание действий сотрудников правоохранительных органов. В практике ЕСПЧ данная категория нарушений именуется термином «неучтенные задержания».

Характерным примером является постановление ЕСПЧ от 4 ноября 2010 г. по делу «Александр Соколов против России» (жалоба № 20364/05)¹:

1) в феврале 2004 г. заявитель был задержан на дому и доставлен по подозрению в совершении преступления в отделение милиции, где, по его утверждению, он был подвергнут избиению (впоследствии факт подтвердился, что дало основание ЕСПЧ провести дополнительную квалификацию);

2) был помещен в камеру, однако никакого постановления о задержании не составлялось и его имя не было внесено в журнал поступивших лиц, заключенных под стражу (таким образом, правовые основания его заключения под стражу отсутствовали);

3) единственный протокол задержания, представленный ЕСПЧ, указывает на то, что заявитель более суток содержался в ИВС без соответствующего оформления документов.

В рамках данного дела ЕСПЧ сформулировал позицию, в соответствии с которой *«...неучтенное содержание под стражей лица является абсолютным отрицанием основополагающих гарантий, содержащихся в ст. 5 Конвенции, и представляет собой одно из самых существенных нарушений данной статьи.*

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101592> (дата обращения: 08.06.2021).

Отсутствие регистрации таких фактов, как дата, время и место заключения под стражу, имя задержанного и основания задержания, а также имя лица, осуществившего задержание, является несовместимым с требованием законности и самой сутью ст. 5 Конвенции» (п. 71 постановления ЕСПЧ от 4 ноября 2010 г. по делу «Александр Соколов против России» (жалоба № 20364/05).

2. Отсутствие обоснованных причин для задержания.

В некоторых случаях ЕСПЧ, вынося положительное решение по жалобе, не только опирался на неточность или несвоевременность составления процессуальных документов (которые имели место), но и констатировал, что существенных оснований для задержания не было в соответствии как с национальным законодательством, так и с нормами Конвенции 1950 г. В таком случае ЕСПЧ принимает во внимание как действия задержанного до его фактического лишения свободы, так и действия сотрудников правоохранительных органов, которые последовали после. Также Суд учитывал обстоятельства, при которых произошло задержание: имела ли объективная угроза общественному порядку и безопасности.

Характерным примером является постановление ЕСПЧ от 4 декабря 2014 г. по делу «Навальный и Яшин против России» (жалоба № 76204/11)¹:

1) заявители были задержаны после их участия в санкционированном митинге. Заявители утверждали, что были задержаны на пути к автомобилю и что они не оказывали сопротивления сотрудникам полиции;

2) власти Российской Федерации указывали, что один из заявителей призвал участников митинга проследовать по несогласованному маршруту и что участники шествия выкрикивали лозунги, препятствовали дорожному движению, игнорировали неоднократные требования сотрудников полиции остановиться;

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-148286> (дата обращения: 10.06.2021).

3) заявителей перевозили на протяжении ночи между тремя отделами внутренних дел прежде чем привезти в суд на следующий день. По словам заявителей, во время перевозки им не предоставляли пищи, во время нахождения в отделах внутренних дел в камерах не было санитарно-технического оборудования, кроватей и постельных принадлежностей;

4) ссылаясь на п. 1 ст. 5 Конвенции, заявители утверждали, что их задержание и содержание под стражей были произвольными и незаконными.

При рассмотрении жалобы ЕСПЧ обратил внимание на то, что задержание было произведено уже после окончания мероприятия; задержанные не предпринимали никаких физических действий, препятствовавших нарушению общественного порядка; основанием задержания были высказывания, а не действия; задержанных многократно перевозили с места на место; не были соблюдены требования российского законодательства о процессуальном оформлении задержания.

Вынесенное ЕСПЧ решение об удовлетворении жалобы основано на следующих правовых позициях:

1) доставка заявителей в полицейский участок не представлялось строго необходимым в данных обстоятельствах. Пункт 4 ст. 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КОАП РФ) прямо исключает время доставки из срока последующего административного задержания. Хотя закон не рассматривал доставку как часть административного задержания, он не устанавливал временного ограничения для самого доставления – предположительно, потому, что оно должно было быть незначительным. Для сравнения, продолжительность административного задержания, как правило, не должна превышать трех часов – период времени, который закон считает разумным и достаточным для составления протокола об административном правонарушении (п. 93 постановления ЕСПЧ от 4 декабря 2014 г. по делу «Навальный и Яшин против России» (жалоба № 76204/11)).

2) после ареста заявителей доставили в три отделения полиции, и только в третьем из них были составлены протоколы об административном правонарушении – в 02:30 6 декабря 2011 г. Суд отмечает, что в соответствии с п. 4 ст. 27.5 КоАП РФ срок административного задержания исчисляется с момента, когда доставляемый подозреваемый доставлен в отделение полиции, считая, что доставление заявителей закончилось в 21:40, когда конвой прибыл в первый полицейский участок в Северное Измайлово. Не вполне ясно, почему протоколы не были составлены в этом полицейском участке, учитывая, что заявители провели там три часа и подверглись личному досмотру, который был зафиксирован в отчете об обыске. Власти не объяснили, почему заявители были направлены в два других полицейских участка без составления протокола об административном правонарушении или постановления о задержании в первом или даже втором полицейском участке (п. 94).

В отдельных случаях наиболее объективные факты нарушений, связанных с задержаниями, признаются национальными властями с присуждением выплаты соответствующих компенсаций морального вреда и привлечением к ответственности виновных. В этом случае ЕСПЧ констатирует, что оснований для признания жалобы приемлемой в соответствующей части нет.

Также характерным в данном случае можно считать постановление ЕСПЧ от 5 февраля 2015 г. по делу «Раззаков против России» (жалоба № 57519/09)¹:

1) заявитель был доставлен сотрудниками в ОВД г. Воронежа, где подвергся изощренным пыткам со стороны сотрудников милиции (позднее судебно-медицинская экспертиза подтвердила факты травм и увечий, нанесенных сотрудниками ОВД);

2) от заявителя требовали сознаться в совершении преступления;

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-150790> (дата обращения: 10.06.2021).

3) после двух дней содержания в камере без регистрации и оформления процессуальных документов заявитель был отпущен; уголовное дело не возбуждалось.

В данном деле в результате многочисленных попыток удалось возбудить уголовное дело по факту превышения должностных полномочий сотрудниками ОВД, которое впоследствии было приостановлено в связи с неустановлением лиц, причастных к совершению преступления.

Вместе с тем в рамках гражданского судопроизводства заявителю удалось добиться признания факта причинения вреда здоровью, в результате чего российский суд присудил компенсацию в размере 840 000 Р ЕСПЧ указал, что считает в этом случае жалобу в части компенсации неприемлемой, поскольку российские власти, несмотря на то что не привлекли к ответственности лиц, виновных в пытках, незарегистрированном и необоснованном задержании, компенсировали моральный вред в достаточном объеме. При этом Суд признал, что действия властей будут в полной мере соответствовать положениям Конвенции только в случае достижения двух целей – привлечения виновных к ответственности и выплаты компенсации.

3. Причинение вреда здоровью или смерти задерживаемому лицу, а также иным лицам. В практике ЕСПЧ встречаются такие дела, в которых заявители утверждают, что в результате задержания сотрудниками правоохранительных органов им был причинен чрезмерный вред жизни или здоровью. В связи с этим в жалобах в качестве применимой нормы нередко указывается не ст. 5 («Право на свободу и личную неприкосновенность»), а ст. 2 («Право на жизнь») или ст. 3 («Защита от пыток, унижающего достоинство обращения или наказания») Конвенции. Однако контекст таких жалоб – задержание – позволяет рассмотреть такую категорию дел в рамках этого параграфа.

Прецедентная практика Суда, формировавшаяся на протяжении десятилетий, однозначно признает за государствами – участниками Конвенции в лице их правоохранительных органов

право причинить вред здоровью и даже жизни лица, которое в процессе своего задержания оказывает сопротивление, выражает неподчинение законным требованиям, а также вооружено и представляет опасность для окружающих.

Вместе с тем опасность произвола со стороны отдельных сотрудников правоохранительных органов заставляет ЕСПЧ пристально оценивать все обстоятельства, которые привели к смерти задерживаемого лица. Среди таких факторов оценивается соразмерность применения физической силы и оружия сотрудниками правоохранительных органов в данной конкретной ситуации, оценка того, что предшествовало задержанию, а также возможность использования иных доступных средств для задержания, кроме тех, которые привели к смерти.

Характерным примером является постановление ЕСПЧ от 16 января 2014 г. по делу «Щиборщ и Кузьмина против России» (жалоба № 5269/08)¹.

В данном деле смерть была причинена в результате силового пресечения сотрудниками правоохранительных органов действий лица, состоявшего на учете в психиатрических учреждениях (неоднократно проходившего в них стационарное лечение). Данное лицо, находясь у себя дома, вело себя агрессивно, нападало на других людей с кухонным ножом в руках, отказываясь возвращаться на стационарное лечение в клинику. Его отец обратился за помощью к сотрудникам милиции, которые прибыли к месту происшествия и попытались уговорить агрессивного человека сдаться. Однако пострадавшее лицо забаррикадировалось на кухне, отказалось выходить, угрожало убийством, в том числе прибывшим сотрудникам правоохранительных органов. В результате кухня была взята штурмом, а оказавший активное сопротивление человек в результате применения к нему физической силы без сознания был доставлен в больницу, где позднее умер.

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-140013> (дата обращения: 10.06.2021).

Отец погибшего потребовал возбуждения уголовного дела по факту необоснованного применения силы, приведшей к смерти. Он утверждал, что сотрудники не рассматривали альтернативных вариантов пресечения агрессивных действий его сына, нарушили установленное нормативными актами Российской Федерации правило о вызове на место происшествия психиатров. Уголовное дело по данному заявлению было возбуждено лишь со второй попытки, поскольку следственные органы первоначально не обнаружили в действиях сотрудников правоохранительных органов состава преступления. Расследование по данному делу неоднократно приостанавливалось и было окончательно прекращено через четыре года.

Выступая в Европейском Суде, представители России доказывали, что в данном конкретном случае применение силы было оправданно, потому что задерживаемый представлял опасность для себя и окружающих, находился в неадекватном состоянии, при проникновении на кухню сотрудников правоохранительных органов набросился на них с ножом, пытался нанести повреждения. Таким образом, действия сотрудников правоохранительных органов должны расцениваться как обоснованное применение силы при задержании вооруженного преступника, а также как акт самозащиты.

Однако ЕСПЧ пришел к другим выводам. Не отрицая того, что сложившаяся ситуация была если не критической, то по крайней мере опасной, Европейский Суд отметил: факт того, что сотрудники правоохранительных органов нарушили правила внутренней инструкции, которая в подобных случаях требует предварительного вызова на место происшествия медиков-психиатров, послужил основанием для признания нарушения ст. 2 Конвенции, поскольку *«...органы не рассмотрели вопрос о планировании и контроле операции. В частности, они не исследовали вопрос, почему сотрудники милиции действовали по собственной инициативе в отсутствие квалифицированного медицинского персонала, что противоречит Закону о психиат-*

рической помощи и Инструкции о сотрудничестве между службами здравоохранения и органами внутренних дел по профилактике общественно опасных действий со стороны лиц, страдающих психическими расстройствами. Хотя следствие оценило применение силы и специальных средств, в частности, являясь сотрудниками милиции, следственные органы рассмотрели ситуацию, как если бы она касалась вооруженного преступника, без учета психического состояния г-на Щиборца. Кроме того, следственные органы не дали оценки того, каким образом было принято решение штурмовать квартиру» (п. 258 постановления ЕСПЧ от 16 января 2014 г. по делу «Щиборщ и Кузьмина против России» (жалоба № 5269/08).

В некоторых случаях Европейский Суд устанавливал нарушение властями Российской Федерации ст. 2 Конвенции в части процессуальных аспектов событий, которые последовали вслед за задержанием лица, которое впоследствии умерло. Речь идет о недоказанности причинения сотрудниками органов внутренних дел лицу повреждений при задержании и доставлении при одновременном несоблюдении обязательства по эффективному расследованию факта последующей смерти. В качестве примера такого дела следует привести постановление ЕСПЧ от 28 августа 2018 г. по делу «Ходюкевич против России» (жалоба № 74282/11)¹.

Аналогичные или схожие правовые позиции по вопросам нарушений при задержании ЕСПЧ высказывал в таких делах, как «Федотов против России» от 20 октября 2005 г. (жалоба № 5140/02), «Бирулев и Шишкин против России» от 14 июня 2016 г. (жалобы № 35919/05 и 3346/06), «Попов против России» от 19 июля 2016 г. (жалоба № 32013/07), «А против России» от 12 ноября 2019 г. (жалоба № 37735/09), «Гремина против России» от 26 мая 2020 г. (жалоба № 17054/08).

Таким образом, в делах, касающихся вопросов задержания, ЕСПЧ рассматривал различные спорные ситуации, в которых

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-185310> (дата обращения: 11.06.2021).

основными проблемами являются их необоснованность в контексте внутригосударственных норм, отсутствие документального подтверждения ограничения свободы, а также применение силы при задержании. Во всех случаях ЕСПЧ исходит из того, что каждое задержание должно быть задокументировано. Кроме того, при его проведении следует объективно оценивать вред, который может быть причинен задерживаемому лицу, и действовать в соответствии с инструкциями, в том числе и других органов власти. Также потребность в задержании должна объективно отражать степень общественной опасности действий, которые предпринимает задерживаемое лицо.

§ 2.4. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека по жалобам на нарушения в центрах временного содержания иностранных граждан, организации их административного выдворения, депортации и экстрадиции

Выдворение и депортация незаконных мигрантов являются одной из наиболее распространенных мер, к которым прибегают принимающие государства. Этими действиями не только обеспечивается режим законности пребывания, но и устраняются возможные угрозы, исходящие от таких мигрантов. Однако проблема законности въезда и пребывания, а также депортации наталкивается на проблему обеспечения прав самих выдворяемых и депортируемых лиц. Несмотря на то, что их миграционное поведение является незаконным, они продолжают обладать основными правами, гарантированными как национальным законодательством, так и нормами международного права. Государства обязаны соблюдать эти права даже в отношении незаконных мигрантов, что происходит не всегда. Поэтому в практике ЕСПЧ с устойчивым постоянством появляются постановления, связанные с жалобами либо на незаконную, по мнению заявителей, депортацию (или выдворение), либо на нарушение основных прав, гарантированных Конвенцией 1950 г. и прото-

колами к ней. Также Суд неоднократно рассматривал жалобы на экстрадицию (выдачу) лица для привлечения к уголовной ответственности за рубежом.

Анализ практики ЕСПЧ по делам, затрагивающим вопросы миграции, показывает, что установленные или заявленные нарушения затрагивают как права, закрепленные непосредственно в тексте Конвенции, так и права, зафиксированные в отдельных протоколах к ней.

Квалификация: в большинстве случаев, если ЕСПЧ устанавливает нарушения прав человека при выдворении, высылке или выдаче человека для уголовного преследования, они квалифицируются по следующим статьям Конвенции:

- ст. 2 («Право на жизнь») в контексте высылки в страну, где в отношении заявителя может быть применена смертная казнь);
- ст. 3 («Запрет пыток») Конвенции;
- ст. 5 («Право на свободу и личную неприкосновенность»);
- ст. 8 («Право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции»);
- ст. 1 (в части процедурных гарантий в случае высылки иностранцев) Протокола № 7 к Конвенции.

Типичные нарушения

В разное время предметом судебной оценки со стороны ЕСПЧ становились:

1. Порядок помещения иностранного гражданина в центр для содержания иностранных граждан, условия и продолжительность нахождения в нем (постановление ЕСПЧ от 17 июля 2014 г. по делу «Ким против России» (жалоба № 44260/13).

2. Высылка иностранного гражданина в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства, либо общественного порядка, либо защиты здоровья населения (постановление ЕСПЧ от 27 ноября 2017 г. по делу «М. S. А. и другие против России» (жалоба № 29957/14 и восемь других).

3. Невозможность иностранного гражданина воссоединиться с семьей, разлучение семьи (постановление ЕСПЧ от 25 октября 2016 г. по делу «Джураев и Шалкова против России» (жалоба № 1056/15); постановление ЕСПЧ от 17 апреля 2018 г. по делу «Гулиев и Шеина против России» (жалоба № 29790/14).

4. Выдача иностранного гражданина для привлечения к ответственности на территории иностранного государства при наличии угрозы жестокого обращения с ним в случае перемещения (постановление ЕСПЧ от 29 октября 2015 г. по делу «А. Л. против России» (жалоба № 44095/14).

Рассмотрим правовые позиции ЕСПЧ по отдельным делам, в которых нашли отражение некоторые из указанных выше аспектов.

В деле «А. Л. против России», по которому постановление ЕСПЧ было вынесено 29 октября 2015 г. (жалоба № 44095/14)¹, заявитель указывал на два нарушения: условия содержания в центре временного содержания иностранных граждан и угроза применения смертной казни в случае выдачи.

Заявитель был женат на гражданке Российской Федерации, у него не было несовершеннолетних детей, живущих в России. Он одновременно имел два гражданства – Китая и России. Заявитель разыскивался властями Китая по подозрению в совершении убийства. Властями Российской Федерации А. Л. был признан гражданином Китая. Констатируется, что он находился в России незаконно, не имея действующей визы или вида на жительство. Заявителя задержали, и суд постановил заключить его под стражу до получения от правоохранительных органов Китая официального ходатайства об экстрадиции. Заявитель в жалобе утверждал, что в случае его насильственного возвращения в Китай он столкнется с опасностью вынесения смертного приговора и приведения его в исполнение. Однако в 30-дневный срок, предусмотренный двусторонним российско-китайском

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-158148> (дата обращения: 12.06.2021).

соглашении об экстрадиции, официальное ходатайство о выдаче со стороны Китая не поступило. Прокурор распорядился освободить заявителя и одновременно начать процедуру его выдворения, поскольку данное лицо находилось в России незаконно. В течение некоторого времени в результате обжалования постановления о привлечении к административной ответственности было сначала отменено, а потом оставлено в силе. При этом заявитель был извещен о признании его пребывания на территории России нежелательным и решении о его выдворении на данном основании. Он был помещен в одиночную камеру в центре временного содержания иностранных граждан и утверждал, что постоянно содержался в наручниках, в антисанитарных условиях, без возможности общаться с другими лицами, а также в условиях существенных ограничений на встречи с супругой.

По мнению заявителя, в отношении него Российской Федерацией были нарушены ст.ст. 2, 3 Конвенции; ст. 1 Протокола № 6, а также ст. 1 Протокола № 13 к Конвенции.

ЕСПЧ в постановлении по данному делу указал на несколько аспектов.

Во-первых, констатируется, что ни в российских судах, ни в ЕСПЧ не было представлено какого-либо обоснования помещения заявителя в одиночную камеру. Ни разу не было заявлено о том, что он нарушал правила распорядка, что его поведение было опасным, что он угрожал другим заключенным или сотрудникам центра или нападал на них, а также что он сам был жертвой угроз или насилия. Таким образом, содержание заявителя в одиночной камере может быть приравнено к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, противоречащему ст. 3 Конвенции.

Во-вторых, в контексте угрозы применения смертной казни к заявителю в случае его выдачи правоохранительным органам Китая Суд указал на однозначное обязательство России перед Советом Европы отменить смертную казнь, частично выполненное путем введения изначально фактического моратория,

который впоследствии был подтвержден Конституционным Судом Российской Федерации. При этом, вынося решения, российские суды не оценивали опасность подвергнуться смертной казни в случае депортации лица в Китай. Их аргументация относительно того, что распоряжение о запрете въезда в страну, отданное в отношении заявителя, не приведет автоматически к его депортации в Китай и что он может уехать из России в другую страну, несостоятельны. У него был изъят российский паспорт, паспорта гражданина Китая при себе не было, что препятствовало его выезду в третью, безопасную страну и вело к депортации именно в Китай. По данному аспекту ЕСПЧ было констатировано нарушение ст.ст. 2 и 3 Конвенции (пп. 64 и 78 постановления ЕСПЧ от 29 октября 2015 г. по делу «А. Л. против России» (жалоба № 44095/14).

Таким образом, в этом деле ЕСПЧ подтвердил ранее сформулированную в других делах позицию, в соответствии с которой международные обязательства государства об отмене смертной казни должны распространяться в том числе и на случаи экстрадиции или депортации лица в страну, где ему может грозить высшая мера наказания. В соответствии с такой позицией национальные суды и иные власти государства должны принимать во внимание данное обстоятельство, а также то, может ли лицо, которому предложено добровольно покинуть страну, фактически это сделать.

Правовая позиция ЕСПЧ относительно условий пребывания в центре временного содержания иностранных граждан корреспондирует с правовыми позициями, сформулированными во многих других делах, касающихся условий в местах принудительного содержания. Примечательным является то, что Европейский Суд не абстрактно указывает на отсутствие обоснования помещения заявителя в одиночную камеру, но определяет критерии, позволяющие поместить его в такие условия:

- нарушение правил распорядка;

- опасное поведение;
- угрозы другим заключенным или сотрудникам центра временного содержания иностранных граждан;
- нападение на сотрудников центра временного содержания иностранных граждан;
- угроза того, что сам заявитель может стать жертвой угроз или насилия.

Правовые позиции ЕСПЧ по вопросам условий и порядка нахождения лиц в центрах временного содержания иностранных граждан можно также проиллюстрировать на примере дела «Ким против России», постановление по которому было вынесено 17 июля 2014 г. (жалоба № 44260/13)¹.

В данном деле заявитель, проживавший в г. Санкт-Петербурге и родившийся в 1962 г. на территории Узбекской ССР, не приобрел гражданства какого-либо государства после распада СССР. В 2011 г. при проверке документов сотрудниками органов внутренних дел было выяснено их полное отсутствие у данного лица. Заявитель был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 18.8 КоАП РФ («Нарушение правил регистрации в России»), и ему было назначено административное наказание в виде штрафа и выдворения. Суд постановил, что до этого акта заявитель должен находиться в центре временного содержания иностранных граждан. Уполномоченные органы Российской Федерации стали готовить процедуру выдворения лица в Узбекистан, однако в ходе разбирательства выяснилось, что заявитель не имеет гражданства этого государства, а правовые основания выдворения именно в данную страну отсутствуют. Подготовка к процедуре продолжалась два года. В течение всего этого времени заявитель находился в центре временного содержания иностранных граждан, откуда был освобожден в 2013 г. в связи с истечением срока исполнения решения об административном выдворении.

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145584> (дата обращения: 12.06.2021).

При обращении в ЕСПЧ заявитель указал на неудовлетворительные условия содержания, его продолжительность, а также невозможность эффективно обжаловать действия властей. Суд также рассматривал данное дело с точки зрения двух аспектов: условий пребывания в центре временного содержания иностранных граждан и осуществления судебного контроля за процедурой выдворения.

В постановлении ЕСПЧ в качестве обоснования нарушения ст. 3 Конвенции указывается, что *«...заявитель провел два года и десять дней в центре для содержания иностранных граждан, оборудованном для краткосрочного содержания под стражей. Это объясняет слабую развитость центра, в камерах которого не было текущей воды и туалетов. Гигиенические приспособления были явно неадекватны по сравнению с количеством содержащихся лиц. Прогулки были нерегулярны и чрезвычайно коротки. Суд ссылается в связи с этим на свою хорошо установленную практику, согласно которой один факт содержания заявителя в течение длительного периода времени в неподготовленной камере, рассчитанной на краткосрочное содержание, достаточен для установления нарушения ст. 3... Вдобавок центр для содержания иностранных граждан был постоянно сильно переполнен»* (пп. 31 и 32 постановления ЕСПЧ от 17 июля 2014 г. по делу «Ким против России» (жалоба № 44260/13).

Также ЕСПЧ установил в данном деле нарушение ст. 5 Конвенции в части отсутствия эффективного судебного контроля за реализацией процедуры выдворения. Суд указал, что на протяжении двух лет, которые заявитель находился в условиях принудительного содержания, российские судебные власти не принимали во внимание тот факт, что он не является гражданином Узбекистана и не может быть выдворен в данную страну. ЕСПЧ, в частности, сформулировал позицию, в соответствии с которой *«...в течение всего двухлетнего периода времени, когда заявитель находился в заточении, не происходило ни автоматического периодического продления срока содержания заявителя*

под стражей, ни какого-либо его судебного контроля. Попытки заявителя добиться такого контроля также были бесплодны: два районных суда и Санкт-Петербургский городской суд отказались рассмотреть по существу его жалобу на незаконность лишения свободы, установив, что нет необходимости изменить положение заявителя либо подвергнуть его судебному контролю в свете новых обстоятельств. <...> Суд подчеркивает, что национальные власти обязаны оценить, существует ли реальная перспектива выдворения и являлось ли лишение свободы в целях выдворения с самого начала обоснованным» (пп. 43, 53 постановления ЕСПЧ от 17 июля 2014 г. по делу «Ким против России» (жалоба № 44260/13).

Еще одна категория дел, связанных с мигрантами, касается вопросов административного выдворения за пределы Российской Федерации или высылки иностранного гражданина в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства, либо общественного порядка, либо защиты здоровья населения.

Так, в постановлении ЕСПЧ от 21 ноября 2017 г. по делу «М. S. А. и другие против России» (жалоба № 29957/14 и восемь других)¹ ЕСПЧ в числе прочих проблем (условия содержания в центре временного содержания иностранных граждан, унижающее достоинство обращение) рассматривал вопросы принудительного возвращения в Сирию 12 граждан этой страны, которые легально въехали в Российскую Федерацию, но по истечении установленного времени не выехали из нее. По мнению заявителей, данный акт нарушил бы их права, гарантированные ст.ст. 2 и 3 Конвенции, и что в нарушение ст. 13 Конвенции они не имели в своем распоряжении эффективных средств правовой защиты в отношении этих жалоб. Все заявители пытались получить статус беженца и (или) временное убежище в России. Позднее некоторые заявители добровольно отзывали свои требования, требования других были отклонены.

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-179419> (дата обращения: 13.06.2021).

На момент подачи жалобы часть заявителей получила возможность выехать в третьи страны, власти которых согласились их принять. В отношении одного из них ЕСПЧ посчитал, что национальные средства правовой защиты не были исчерпаны, и снял жалобу с рассмотрения. Еще один заявитель получил в России убежище. Таким образом, ЕСПЧ указал, что все заявители в той или иной форме получили защиту, которая позволяет им не опасаться за свою жизнь, а следовательно, их претензии несостоятельны в части ст. 2 Конвенции.

Также заявители жаловались на то, что содержание их под стражей в ходе производства о выдворении было произвольным и продолжительным и что они не имели доступа к эффективному судебному пересмотру содержания их под стражей. Они ссылались на подп. «f» п. 1 ст. 5, а также на п. 4 ст. 5 Конвенции. Европейский Суд, рассматривая данную претензию, указал, что *«...любое лишение свободы в соответствии ч. 2 подп. „f” п. 1 ст. 5 Конвенции может быть оправданным, но только в ходе производства по делу о депортации или экстрадиции. Если это производство осуществляется без надлежащей оперативности, содержание под стражей перестает быть допустимым с точки зрения подп. „f” п. 1 ст. 5 Конвенции. Чтобы содержание под стражей, осуществляющееся на основании подп. „f” п. 1 ст. 5 Конвенции, нельзя было назвать произвольным, оно должно осуществляться добросовестно; при этом оно должно быть тесно связано с теми основаниями для заключения под стражу, на которые ссылались власти; место и условия содержания под стражей должны быть приемлемыми; продолжительность содержания под стражей не должна превышать срок, обоснованно необходимый для достижения преследуемой цели»* (п. 64 постановления ЕСПЧ от 12 декабря 2017 г. по делу «M. S. A. и другие против России» (жалоба № 29957/14 и восемь других).

ЕСПЧ констатировал, что продолжительность содержания под стражей в делах всех заявителей, кроме двоих, составляла 11–15 месяцев. В некоторых делах содержание под стражей

длилось более двух лет, а для некоторых заявителей оно продолжалось и в момент рассмотрения жалоб. В связи с этим ЕСПЧ констатировал, что *«...продолжительность содержания под стражей... превышала продолжительность, которая разумно требовалась для достижения преследуемой цели»* (п. 65). На основании этого Суд констатировал, что было допущено нарушение подп. «f» п. 1 ст. 5 и п. 4 ст. 5 Конвенции.

Таким образом, в данном деле основные нарушения, установленные ЕСПЧ, касались процедурных вопросов содержания в центрах временного содержания иностранных граждан в период производства по делам о высылке. В частности, Суд использует критерий разумности сроков содержания, а также предоставления процессуальных гарантий, в том числе защитника.

В постановлении ЕСПЧ от 25 октября 2016 г. по делу «Джураев и Шалкова против России» (жалоба № 1056/15)¹ речь шла о высылке иностранного гражданина в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства, либо общественного порядка, либо защиты здоровья населения в соответствии с ч. 1 ст. 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»². Данное дело затрагивает группу правовых позиций ЕСПЧ, касающихся проблемы разлучения семей в результате высылки (выдворения) иностранных граждан в связи с нарушением ими правил пребывания в стране и (или) нарушения требований национального законодательства.

В 1995 г. заявитель, гражданин Таджикистана, переехал в Российскую Федерацию и в 1998 г. был приговорен российским судом к восьми годам лишения свободы за незаконный оборот наркотиков (судимость снята в 2011 г.). В России им был заключен брак с гражданкой Российской Федерации. В браке родился ребенок. У заявительницы, кроме того, есть еще два

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-167804> (дата обращения: 13.06.2021).

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029.

ребенка от предыдущего брака. 13 мая 2013 г. заявитель покинул Российскую Федерацию, выехав в Таджикистан, а 21 мая 2013 г. по возвращении в Россию был проинформирован о том, что ему не разрешен повторный въезд в страну в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства, либо общественного порядка, либо защиты здоровья населения. Решение о высылке заявителя многократно обжаловали вплоть до Верховного Суда Российской Федерации, который в своем определении оставил в силе судебное решение от 16 мая 2014 г., отметив в общих чертах, что нижестоящий суд надлежащим образом исследовал правовую основу для высылки и что его решение было законным и сбалансировало государственные и частные интересы. В 2015 г. заявителю по его просьбе о воссоединении с семьей был предоставлен временный вид на жительство, действительный до 20 марта 2018 г., и он получил возможность снова въехать в Российскую Федерацию.

В своей жалобе в ЕСПЧ заявители утверждали, что постановление о высылке заявителя было основано на нераскрытой информации и нарушило их право на уважение семейной жизни, гарантированное ст. 8 Конвенции. Они подчеркивали, что не имелось каких-либо фактических оснований для принятия такого решения в отношении заявителя.

Правовая позиция ЕСПЧ здесь исходит из того, что *«Конвенция не гарантирует право иностранца на въезд или проживание в определенной стране, и, реализуя свои задачи по поддержанию общественного порядка, договаривающиеся стороны имеют право выслать из страны иностранца, осужденного за уголовные правонарушения. Однако их решения в этой сфере, так как они могут создавать препятствия для осуществления права, защищаемого в соответствии с п. 1 ст. 8 Конвенции, должны быть в соответствии с законом и необходимы в демократическом обществе, т. е. быть оправданы насущной общественной необходимостью, и, в частности, должны быть соразмерны преследуемым целям...»* (п. 30 постановления ЕСПЧ

от 25 октября 2016 г. по делу «Джураев и Шалкова против России» (жалоба № 1056/15).

ЕСПЧ отмечает, что постановление о высылке было вынесено без уведомления заявителя о вынесшем его органе и продолжительности его действия. Кроме того, ФСБ России отрицает свою причастность к делу, и только через суд заявительница смогла установить ответственность ФСБ России за введение меры. Решения внутригосударственных судов, подтвердившие постановление о высылке, не упоминают фактические основания, по которым выносилось это постановление. В своих решениях российские суды опирались исключительно на неподтвержденную информацию, представленную ФСБ России, и не рассматривали иных доказательств, чтобы подтвердить или опровергнуть обвинения против заявителя. Таким образом, суды не рассмотрели важный аспект дела, а именно вопрос о том, смог ли государственный орган продемонстрировать наличие конкретных фактов, которые служат основой для признания заявителя представляющим угрозу для государственной безопасности.

Эти элементы привели ЕСПЧ к выводу о том, что внутригосударственные суды ограничились чисто формальным рассмотрением решения о высылке заявителя из Российской Федерации: *«...решение о высылке заявителя из Российской Федерации не сопровождалось достаточными процессуальными гарантиями и не было необходимым в демократическом обществе. Принимая во внимание, что, с одной стороны, угроза государственной безопасности не была убедительно доказана и что, с другой стороны, его семейные связи в Российской Федерации были очень сильны, Европейский Суд считает, что высылка заявителя из страны была несоразмерна преследуемым правомерным целям»* (п. 44 постановления ЕСПЧ от 25 октября 2016 г. по делу «Джураев и Шалкова против России» (жалоба № 1056/15).

В этом деле правовые позиции ЕСПЧ и Верховного Суда РФ принципиально разошлись. Международный судебный орган считает, что даже в случае высылки по соображениям государ-

ственной безопасности национальным судам и самим заявителям должна предоставляться минимальная открытая информация об основаниях и причинах высылки. Как следует из материалов дела, российский суд, который принимал решение, был ознакомлен с информацией от ФСБ России, однако в силу ее секретности не приобщил к материалам дела и не сообщил заявителям. ЕСПЧ данную ситуацию считает нарушением в силу того, что она не соответствует процессуальным гарантиям, необходимым в демократическом обществе. Напротив, Верховный Суд РФ, оставив жалобу заявителей без удовлетворения, указал на правомерность практики нераскрытия высылаемым лицам информации об основаниях и подозрениях, обусловивших принятие решения о высылке.

Вместе с тем ряд правовых позиций высших судов Российской Федерации демонстрирует солидарность с позициями ЕСПЧ относительно того, что аргументы властей, подтверждающие необходимость применения к лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, такой меры ответственности, как выдворение или высылка, должны учитывать соразмерность в качестве единственно возможного способа удовлетворения интересов государства.

Так, в постановлении от 14 февраля 2013 г. № 5-П Конституционный Суд РФ признал, что устанавливаемые в законодательстве об административных правонарушениях правила применения мер административной ответственности должны не только учитывать характер правонарушения, его опасность для защищаемых законом ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, а также личности правонарушителя и степени его вины, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий (в том числе для лица, привлекаемого к ответственности) тому вреду, который причинен в результате административного правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс основных прав индивида (юридического лица) и общего интереса, состоящего

в защите личности, общества и государства от административных правонарушений¹.

Во многих делах по пересмотру решений нижестоящих судов Верховный Суд РФ применил данную правовую позицию Конституционного Суда РФ и удовлетворил жалобу лица на решение о высылке, сочтя, что какие-либо серьезные основания полагать, что высылаемое лицо составляет угрозу безопасности или интересам Российской Федерации, отсутствовали. В частности, это имело место в деле гражданина Республики Узбекистан С. Р. Ачилова в связи с признанием его виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ². В документе отмечается: *«Назначение дополнительного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации должно основываться на данных, подтверждающих действительную необходимость применения к лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, такой меры ответственности, а также ее соразмерность в качестве единственно возможного способа достижения баланса публичных и частных интересов в рамках административного судопроизводства»*.

Принципиально новую, небесспорную позицию сформулировал ЕСПЧ в постановлении от 17 апреля 2018 г. по делу «Гулиев и Шеина против России» (жалоба № 29790/14)³. Не останавливаясь на критериях спорности вынесенного решения, отметим, что

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2016 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации“, частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части 1 статьи 27 Федерального закона „О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию“ в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 3.

² Постановление Верховного Суда РФ от 13 ноября 2017 г. № 8-АД17-7 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13112017-n-8-ad17-7/> (дата обращения: 27.05.2021).

³ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-182222> (дата обращения: 10.06.2021).

в правовой позиции, которую сформулировал Суд, имеет место отступление от одного из фундаментальных принципов права – принципа недопустимости обратной силы действующего закона.

Суть дела «Гулиев и Шеина против России» в некоторых аспектах повторяет дело «Джураев и Шалкова против России». У заявителей имеются фактические семейные отношения, а также совместные дети. Один из заявителей нарушает действующее законодательство, в связи с чем ему предписывается покинуть страну. Но есть и различия, которые в итоге формулируют новую правовую позицию ЕСПЧ.

В деле «Гулиев и Шеина против России» один из заявителей долгое время (годами) проживал в России, никак не оформляя свой статус. За этот период он вступил в религиозный брак (по мусульманскому обряду) с гражданкой Российской Федерации. В браке родились два ребенка (на момент дела несовершеннолетние), его фактическая жена была беременна. В свидетельстве о рождении детей не упоминалось, что их отцом является Гулиев, однако они носили его отчество.

В 2012 г. Гулиев, гражданин Азербайджана, прибыл в Россию на основании международного договора между Российской Федерацией и Республикой Азербайджан, в соответствии с которым допускается безвизовое пребывание на три месяца. В период пребывания Гулиев был госпитализирован с огнестрельным ранением в ногу. Именно этим обстоятельством он объяснял невозможность обращения за продлением срока его пребывания в Российской Федерации. Власти России привлекли его к ответственности по ст. 18.8 КоАП РФ. Гражданина Азербайджана на основании решения суда оштрафовали, подвергли выдворению (высылке) с территории Российской Федерации, а также запретили ему въезд сроком на пять лет.

Через четыре дня после вынесения российским судом решения о выдворении (высылке) Гулиева российским отделением ЗАГС он был зарегистрирован в качестве отца двух несовершеннолетних детей – граждан Российской Федерации.

Апелляционная инстанция, куда обратились заявители с обжалованием принятого решения о выдворении, не приняла во внимание аргумента о том, что у Гулиева были реальные намерения постоянно проживать в России, получить право на временное проживание или гражданство России. Также было указано на то, что заявитель не зарегистрировал официально брак с гражданкой Российской Федерации; отмечен факт последующего добровольного признания отцовства, которое произошло уже после того, как в отношении Гулиева было вынесено решение о выдворении. Вторая российская инстанция констатировала, что у заявителя были все возможности признать отцовство ранее (и в этом смысле позиция российских судов могла бы измениться в соответствии с позициями ЕСПЧ), но он этого не сделал. Поскольку на момент вынесения административного и судебного решений никакими юридическими основаниями данные решения не были связаны, суд первой инстанции принял верное решение.

Однако в данном деле ЕСПЧ использовал право на «эволютивное» толкование Конвенции, используя специфическое видение сущности права и допустив обратную силу закона в деле, которое касается его систематического нарушения со стороны заявителя.

Суд подтвердил позицию, что *«...государство имеет право в соответствии с международным правом и с учетом своих договорных обязательств контролировать въезд иностранцев на свою территорию и их проживание там... Обращение властей принимающей страны к семейной жизни как к *fait accompli* не влечет за собой того, что эти власти в результате обязаны в соответствии со ст. 8 Конвенции разрешить заявителю поселиться в стране»* (п. 46 постановления ЕСПЧ от 17 апреля 2018 г. по делу «Гулиев и Шеина против России» (жалоба № 29790/14)).

Однако ЕСПЧ указывает, что государство обязано отступать от подобной позиции в исключительных случаях. Один из них –

наличие семейных связей, которые не могут сводиться только к зарегистрированному браку. При этом позиция Суда исходит из того, что наличие таких связей должно превалировать над всеми иными обстоятельствами, включая нежелание лица приобретать гражданство членов своей семьи и нарушение миграционного законодательства.

В общем виде позиция ЕСПЧ выглядит так: *«Суд отмечает, что национальные суды сосредоточили свое внимание на том факте, что заявители официально зарегистрировали свой брак только после принятия решения о высылке первого заявителя и что национальные суды сочли, что они не могли принять во внимание положение несовершеннолетних детей заявителей, поскольку первый заявитель не зарегистрировал свое отцовство в отношении них до принятия решения о его высылке... Суды далее не проверяли соответствующие факты, такие как продолжительность совместного проживания заявителей в качестве семьи, беременность второй заявительницы их третьим ребенком и продолжительность запрета на повторный въезд первой заявительницы после высылки... В настоящем деле... национальные суды не обеспечили бережный баланс различных затрагиваемых интересов, включая наилучшие интересы детей, и не провели тщательного анализа соразмерности меры, примененной в отношении первого заявителя, и ее влияния на семейную жизнь заявителей. Следовательно, они не приняли во внимание соображения и принципы, выработанные судом, и не применили стандарты, соответствующие ст. 8 Конвенции»* (пп. 57, 58 постановления ЕСПЧ от 17 апреля 2018 г. по делу «Гулиев и Шеина против России» (жалоба № 29790/14).

В рассмотренном деле обращает на себя внимание следующее: ЕСПЧ не принимает во внимание тот факт, что признание отцовства произошло уже после вынесения судебного решения о выдворении, что может свидетельствовать о злоупотреблении правом со стороны заявителя, который таким образом пытался повлиять на окончательный исход дела. Также Суд не принял

во внимание доводы российской стороны о том, что признание отцовства могло состояться намного раньше, равно как и заключение официального брака, в соответствии с российским законодательством. Это противоречит другим постановлениям, где злоупотребление правом не допускается. Аргументация относительно длительного совместного проживания также может быть поставлена под сомнение, поскольку в соответствии с материалами дела Гулиев не постоянно проживал с заявительницей в России, но часто выезжал, долго отсутствовал на территории Российской Федерации.

Также в данном деле ЕСПЧ принял неоднозначное решение, которым фактически признал допустимым аргумент, получивший юридическое закрепление уже после вынесения национальным судом решения, – признание отцовства. В постановлении ЕСПЧ данный факт не отмечается, но и не отрицается как факт злоупотребления правом.

Анализ показывает, что правовые позиции ЕСПЧ по вопросам прав мигрантов, их выдворения, депортации и экстрадиции затрагивают в основном две существенные проблемы: условия и порядок содержания в специализированных центрах; обоснованность и реальную необходимость принудительного перемещения лица в другую страну вне зависимости от целей или причин такого перемещения.

Аналогичные или схожие правовые позиции ЕСПЧ содержатся в его постановлениях от 20 декабря 2016 г. по делу «Бердзенишвили и другие против России» (жалоба № 14594/07 и шесть других), от 10 января 2017 г. по делу «Новоселов против России» (жалоба № 44882/07), от 26 января 2017 г. по делу «Хамидкариев против России» (жалоба № 42332/14), от 14 февраля 2017 г. по делу «Алланазарова против России» (жалоба № 46721/15), от 7 марта 2017 г. по делу «Каменов против России» (жалоба № 17570/15), от 25 июля 2017 г. по делу «Яковенко против России» (жалоба № 48528/09), от 28 ноября 2017 г. по делу «Чантуридзе против России» (жалоба № 55080/12), от 6 февраля

2018 г. по делу «Буторин против России» (жалоба № 46637/09), от 20 марта 2018 г. по делу «Малимоненко против России» (жалоба № 46580/08), от 13 февраля 2018 г. по делу «Мсхиладзе против России» (жалоба № 47741/16).

§ 2.5. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения права на эффективное расследование преступлений и справедливое судебное разбирательство

Под **неэффективностью расследования** в практике ЕСПЧ понимается несколько аспектов: во-первых, медлительность в вопросах возбуждения уголовного дела и производства следственных действий (в том числе и неотложных); во-вторых, необоснованность отказов в возбуждении уголовного дела по заявлению граждан (в том числе и против сотрудников правоохранительных органов); в-третьих, необоснованность приостановления и прекращения уголовного дела; в-четвертых, игнорирование и неприобщение к делу обоснованных доказательств, свидетельств, предоставляемых заинтересованными лицами.

Во многих случаях жалобы на неэффективность расследования содержат в себе и другие нарушения Конвенции. В частности, это жалобы на пытки, бесчеловечное обращение, в том числе со стороны сотрудников правоохранительных органов. В случае жалоб о жестоком обращении в терминологии ЕСПЧ используется форма «эффективное реагирование».

Квалификация: в большинстве случаев, если ЕСПЧ устанавливает нарушения прав человека в контексте неэффективности расследования преступлений, они квалифицируются по ст. 13 («Право на эффективные средства правовой защиты») и ст. 6 («Право на справедливое судебное разбирательство») Конвенции. Нередко квалификация дополняется ст. 2 («Право на жизнь») Конвенции при неэффективности расследования факта смерти лица и ст. 3 («Запрещение пыток») Конвенции при неэффективности расследования фактов пыток и жестокого обращения.

Типичные нарушения

Характерным в данном случае можно считать постановление Европейского Суда от 19 декабря 2013 г. по делу «Добриева и другие против России» (жалоба № 18407/10)¹:

1) жалоба была подана родственниками Юнуса и Юсупа Добриевых, Магомеда Аджиева и Али Джаниева, которые были похищены в Санкт-Петербурге в 2009 г. и бесследно исчезли. До исчезновения они были общественными активистами в одной из республик Северного Кавказа, подвергались угрозам и были вынуждены уехать;

2) после переезда в Санкт-Петербург, по словам родственников, угрозы продолжались;

3) по мнению родственников похищенных, обстоятельства похищения и последующие события указывают на то, что это преступление совершили сотрудники какого-то из правоохранительных ведомств в качестве мести за общественную деятельность;

4) уголовное дело по заявлению родственников было возбуждено только через 12 дней. Первые следственные действия по делу были проведены за три дня до истечения первоначального срока предварительного расследования; в дальнейшем дело было приостановлено в связи с неустановлением лиц, причастных к совершению преступления;

5) расследование исчезновения, по мнению заявителей, велось крайне неэффективно. В течение двух месяцев следствие не запросило записи камер наружного наблюдения с предполагаемого места похищения, а в конце февраля записи были уничтожены в связи с истечением сроков хранения. Записи камер слежения на перекрестках удалось изъять только благодаря настойчивому ходатайству одной из потерпевших. На них видно, как, нарушая правила дорожного движения, машину похищенных преследуют два светлых микроавтобуса и несколько легковых машин.

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-139488> (дата обращения: 08.06.2021).

ЕСПЧ указал, что у него нет достаточно информации для того, чтобы признать факт участия представителей правоохранительных органов в похищении.

Вместе с тем ЕСПЧ признал, что расследование дела было неэффективным в нарушение ст.ст. 2 и 13 Конвенции. В частности, констатировалось, что *уголовное дело было возбуждено слишком поздно; следственные действия проводились недостаточно оперативно; не было предпринято достаточно усилий для сбора и сохранения доказательств по делу, для допроса потерпевших и свидетелей; не была изучена возможная взаимосвязь между этим похищением и нападениями на родственников пропавших в прошлом; заявителей недостаточно информировали о ходе расследования дела*¹ (пп. 70 и 71 постановления ЕСПЧ по делу «Добриева и другие против России» (жалоба № 18407/10).

Дела, касающиеся «эффективного реагирования» на жалобы граждан о жестоком обращении, напрямую касаются деятельности сотрудников полиции, поскольку абсолютное большинство выявляемых фактов такого обращения присутствует именно в деятельности сотрудников ОВД. Наиболее общие правовые позиции относительно того, что следует понимать под «эффективным реагированием», были сформулированы ЕСПЧ постановлением от 28 октября 1998 г. по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (жалоба № 24760/94)² и подтверждены постановлением от 26 января 2006 г. по делу «Михеев против России» (жалоба № 77617/01)³. Позиция сводится к тому, что «*под „эффективным“ расследованием подразумевается установление фактов, имеющих отношение к предполагаемому нарушению, а также идентификация и наказание виновных в данном нарушении,*

¹ Цит. по: Коннов В. А., Симонова А. Е. Практика Европейского Суда по правам человека в отношении жалоб, затрагивающих интересы МВД России : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. С. 51.

² ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58261> (дата обращения: 10.06.2021).

³ Там же. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-72166> (дата обращения: 10.06.2021).

*если оно доказано»*¹. Еще один критерий касается времени, в течение которого осуществлялось реагирование или проводилось расследование фактов жестокого или бесчеловечного, унижающего достоинство обращения. Нерасторпность властей, даже при положительном результате реагирования, признается ЕСПЧ нарушением Конвенции (например, постановление ЕСПЧ от 6 апреля 2000 г. по делу «Лабита против Италии» (жалоба № 26772/95)². Кроме этого, ЕСПЧ внимательно относится к вопросу о том, кто именно проводит расследование жалоб на жестокое обращение со стороны полицейских – независимые от предполагаемых преступников в погонах должностные лица или те же следователи или оперативные сотрудники, в производстве которых находилось уголовное дело потерпевшего (например, постановление ЕСПЧ от 5 ноября 2009 г. по делу «Колеви против Болгарии» (жалоба № 1108/02)³.

Что касается практики по отечественным делам, то среди наиболее значимых можно указать на постановление ЕСПЧ от 7 июля 2011 г. по делу «Шишкин против России» (жалоба № 18280/04)⁴:

1) 23 января 2001 г. заявитель был задержан и доставлен в ОВД Липецкой области; по его утверждениям, ему не предоставили объяснений о причине задержания, а также не позволили об этом факте проинформировать свою семью или адвоката;

2) заявитель отказался признать причастность к убийству, на чем настаивали следователь и оперативники, после чего он был жестоко избит идентифицированными позднее сотрудниками

¹ Цит. по: Коннов В. А., Симонова А. Е. Практика Европейского Суда по правам человека в отношении жалоб, затрагивающих интересы МВД России. С. 51.

² ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58559> (дата обращения: 03.06.2021).

³ Там же. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-95607> (дата обращения: 03.06.2021).

⁴ Там же. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-105531> (дата обращения: 10.06.2021).

милиции. Истязания продолжались ежедневно в течение более чем 10 дней;

3) в феврале 2001 г. судебно-медицинская экспертиза, получившая доступ к заявителю после настойчивых требований родственников, зафиксировала ушиб его левого плеча, который мог быть нанесен примерно за две недели до проведения экспертизы;

4) в мае 2001 г. уголовное дело в отношении заявителя по факту убийства и разбойного нападения было прекращено по причине установления других подозреваемых лиц, которые позднее были признаны судом виновными;

5) заявитель обратился в прокуратуру г. Ельца с ходатайством о возбуждении уголовного дела в отношении вышеупомянутых сотрудников милиции по факту жестокого обращения. Дело было возбуждено только с третьего обращения;

6) дело неоднократно приостанавливалось и прекращалось. Общий срок расследования фактов жестокого обращения составил шесть лет.

ЕСПЧ единогласно признал, что реагирование на жалобу заявителя, включая расследование, было неэффективным, во многом связанным с желанием не допустить привлечения к ответственности виновных сотрудников полиции. Суд указал на следующую правовую позицию: *«...что касается тщательности проведенной проверки, то Суд отмечает серьезные недостатки, которые могли негативно повлиять на ее надежность и эффективность. Во-первых, не было проведено никакой судебно-медицинской экспертизы, и это явно препятствовало установлению фактов получения заявителем телесных повреждений. В этом отношении Суд повторяет, что проведение надлежащих медицинских экспертиз является неотъемлемой гарантией против жестокого обращения... <...> ...власти не установили точную последовательность событий и не учли расхождений в показаниях родственников подсудимых, заявителя и конвоиров. Это можно было устранить посредством, в числе прочего, постановки конкретных вопросов очевидцам в целях прояснения*

конкретных деталей цепочки событий и их временной хронологии, проведения очных ставок между теми свидетелями, которые давали противоречащие показания, поиска и допроса других очевидцев случившегося, например адвоката подсудимых, сотрудников суда, которые присутствовали в здании суда на момент случившегося, проведения осмотра места происшествия или следственного эксперимента в целях воссоздания обстоятельств случившегося и проверки заявлений очевидцев. Непроведение следственными органами указанных выше мероприятий привело к невозможности установления в ходе расследования полной и подробной фактической картины обстоятельств случившегося...» (пп. 117, 118 постановления ЕСПЧ от 7 июля 2011 г. по делу «Шишкин против России» (жалоба № 18280/04).

Право на справедливое судебное разбирательство, гарантированное ст. 6 Конвенции, довольно часто становится предметом рассмотрения Европейского Суда. Применительно к этой норме ЕСПЧ в своих правовых позициях поднимает такие вопросы, как беспристрастность судей, независимость суда, объективность и состязательность судебного процесса, эффективное и полное исследование доказательств, объективность обвинения. С точки зрения расследования преступлений данная статья Конвенции рассматривается Судом как норма, обеспечивающая эффективный судебный контроль за действиями следователей на этапе сбора доказательств и формулирования обвинения.

В определенной мере требование беспристрастности суда переключается с требованием его независимости, в частности от сторон в деле. ЕСПЧ в этом аспекте применяет тройкий подход:

1) исследуется вопрос о субъективной беспристрастности суда в смысле беспристрастности самих его членов;

2) изучается вопрос о том, создается ли в достаточной мере видимость беспристрастности с объективной точки зрения;

3) поднимается вопрос о том, позволяют ли гарантии беспристрастности в данной ситуации вообще исключить любое сомнение относительно вины.

При решении вопроса, независим ли тот или иной орган, ЕСПЧ в своих правовых позициях принимает во внимание, в частности, такие аспекты, как способ формирования состава суда, наличие гарантий против давления извне.

Довольно часто ЕСПЧ формулирует правовые позиции по вопросам, связанным с существом дела, его фактологической составляющей. В частности, затрагиваются процессуальные вопросы, объективность и состоятельность судебного процесса, эффективное и полное исследование доказательств.

Характерным делом является постановление ЕСПЧ от 23 февраля 2016 г. по делу «Навальный и Офицеров против России» (жалобы № 46632/13 и 28671/14)¹. Заявители жаловались на то, что были несправедливо осуждены в Российской Федерации за экономическое преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 160 («Присвоение или растрата») Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – *УК РФ*), а само уголовное преследование является ответом властей на их общественную и политическую деятельность. Обвинение заявителей было основано на показаниях третьего осужденного по данному делу, который заключил досудебное соглашение со следствием. Его дело рассматривалось судом в упрощенном порядке без исследования доказательств. Заявители указали, что в ходе судебного разбирательства суд отказался заслушивать показания нескольких свидетелей защиты, но принял во внимание показания свидетелей обвинения. Также утверждалось, что доказательства, которые дал третий осужденный участник дела, являются недопустимыми, поскольку были получены в обмен на условия досудебного соглашения, сами же доказательства исследованы предыдущим судом не были.

В данном деле ЕСПЧ исследовал следующие вопросы:

1) имело ли место нарушение права заявителей на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом в соответствии с пп. 1 и 2 и подп. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции.

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-161060> (дата обращения: 15.06.2021).

В частности, соответствовало ли требованиям пп. 1 и 2 ст. 6 Конвенции выделение уголовного дела в отношении третьего обвиняемого в отдельное производство и использование по уголовному делу заявителей доказательств, полученных в рамках данного уголовного преследования;

2) являлось ли деяние, за которое заявители были осуждены, уголовным преступлением согласно действовавшему в момент его совершения национальному праву и правильная ли была выбрана квалификация;

3) преследовали ли уголовное разбирательство и осуждение заявителей цели, отличной от привлечения их к ответственности.

В постановлении ЕСПЧ подчеркивалось, что при решении вопроса о том, было ли судебное разбирательство по делу заявителей справедливым, не заступает на место национальных судов, которые находятся в более выгодном положении, чтобы произвести исследование представленных доказательств, установить необходимые факты и осуществить толкование национального законодательства, – в задачи ЕСПЧ входит ответ на вопрос о том, являлось ли справедливым судопроизводство в целом, включая способ получения доказательств.

Относительно допустимости использования доказательств, полученных от третьего обвиняемого, дело которого было выделено в отдельное производство, ЕСПЧ указал, что *«в данной ситуации было необходимо предоставить гарантии, которые бы обеспечили, чтобы процессуальные меры и решения, принятые в ходе производства по делу X¹, не сделали бы несправедливым последующее разбирательство по делу заявителей. Это было особенно актуально в связи с тем, что заявители не имели процессуальной возможности принять какое-либо участие в отдельном производстве, так как им не был предоставлен статус, который бы позволил обжаловать решения и выводы, сделанные судом по выделенному делу. <...> Любое решение об отдельном*

¹ Так в деле именуется третий обвиняемый, заключивший досудебное соглашение. – Примеч. авт.

рассмотрении дел, столь тесно связанных между собой с точки зрения общих обстоятельств, должно основываться на тщательном анализе всех конкурирующих интересов...» (п. 103 постановления ЕСПЧ от 23 февраля 2016 г. по делу «Навальный и Офицеров против России») (жалобы № 46632/13 и 28671/14).

Также ЕСПЧ подверг сомнению обоснованность преюдициального влияния доказательств по выделенному делу на дело заявителей. В частности, было указано, что требование, связанное с проведением отдельного производства, предусматривает, что обстоятельства, установленные по выделенному делу, в котором не участвуют другие обвиняемые, не должны иметь преюдициального значения для их дела. Особо подчеркнуто, что статус доказательств, использованных по одному делу, должен оставаться сугубо относительным, а их сила – ограничиваться данным конкретным судопроизводством. ЕСПЧ констатировал, что ни одно из этих двух фундаментальных требований не было соблюдено в деле заявителей.

Относительно вопроса о правильности квалификации деяний заявителей в качестве преступления по уголовному законодательству Российской Федерации ЕСПЧ занял позицию, в соответствии с которой не было в достаточной мере доказано, что совершенные деяния существенно отличались от обычной практики коммерческой деятельности. Так, Суд указал, что *«...никому из заявителей не вменялось в вину заключение фиктивной сделки либо сделки, предполагавшей отмывание денежных средств, уклонение от уплаты налогов, либо тот факт, что стороны вступили в сговор в целях использования поступлений от агентского вознаграждения в каких-либо иных незаконных или сомнительных целях. Напротив, из имеющихся материалов дела следует, что обе стороны договора преследовали коммерческие цели независимо друг от друга и что данные цели точно соответствовали целям, указанным в договоре...»* (п. 112 постановления ЕСПЧ от 23 февраля 2016 г. по делу «Навальный и Офицеров против России») (жалобы № 46632/13 и 28671/14).

Таким образом, правовая позиция ЕСПЧ в рассматриваемом деле сводится к тому, что российские суды признали заявителей виновными в совершении действий, не отличимых от обычной коммерческой посреднической деятельности. Суд считает, что действия, которые были охарактеризованы в деле как уголовно наказуемые, полностью выпадали из сферы действия статьи, по которой заявители были признаны виновными, и не соответствовали изначальной цели данной статьи. По мнению ЕСПЧ, уголовный закон подвергся произвольному и непредсказуемому толкованию в ущерб заявителям, что привело к явно необоснованному исходу судебного разбирательства.

Анализ правовых позиций Европейского Суда по правам человека на нарушения права на эффективное расследование преступлений и справедливое судебное разбирательство показывает, что эти связанные друг с другом категории нарушений имеют тем не менее разную трактовку в практике Европейского Суда.

В качестве нарушения права на эффективное расследование Европейский Суд чаще всего рассматривает такие ситуации, как необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела, неправомерное его прекращение, неоправданное затягивание расследования, несвоевременное истребование и фиксация доказательств по делу. В этом смысле ЕСПЧ рассматривает все указанные нарушения как действия, снижающие процессуальные гарантии лиц, которые рассчитывают получить выгоду от такого расследования (жертвы, их родственники).

В отношении нарушений права на справедливое судебное разбирательство в части уголовного преследования ЕСПЧ исходит, как правило, из проверки действий суда в соответствии с принципом незаинтересованности и беспристрастности. Также практика показывает, что Суд ставит вопросы о допустимости доказательств, не затрагивая при этом право национальных властей самостоятельно устанавливать ее критерии. Кроме того, ЕСПЧ в отдельных делах признал себя компетентным оценивать

правильность квалификации деяний, чем, в сущности, подменяет компетенцию национальных судов.

Аналогичные или схожие правовые позиции ЕСПЧ по рассматриваемой категории содержатся в его постановлениях от 13 марта 2014 г. по делу «Пакшаев против России» (жалоба № 1377/04), от 27 марта 2014 г. по делу «Матыцина против России» (жалоба № 58428/10), от 7 марта 2017 г. по делу «В. К. против России» (жалоба № 68059/13), от 17 октября 2017 г. по делу «Навальные против России» (жалоба № 101/15), от 17 июля 2018 г. «Мазепа и другие против России» (жалоба № 15086/07), от 4 февраля 2020 г. по делу «Круглов и другие против России» (жалоба № 11264/04 и 15 других).

§ 2.6. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения права на свободу собраний, объединений, свободу выражения мнений

В последние годы количество дел против Российской Федерации, в которых Европейский Суд установил нарушение права на свободу собраний, объединений, свободу выражения мнений, было значительным¹. Связано это с возросшей общественной активностью, а также с реакцией властей, в том числе полиции, на незаконные и несанкционированные мероприятия. В связи с этим ЕСПЧ сформулировал ряд существенных правовых позиций.

Квалификация: в данных категориях дел ЕСПЧ устанавливал нарушения применительно к следующим нормам Конвенции:

¹ Из годовых отчетов Европейского Суда следует, что за последние четыре года (2017–2020 гг.) количество фактов нарушения Российской Федерацией права на свободу собраний, объединений и свободу выражения мнений увеличилось. Они были установлены в 112 делах, из которых 64 – по ст. 10 Конвенции, а 48 – по ст. 11 Конвенции // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2017_ENG.pdf; https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2019_ENG.pdf; https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2018_ENG.pdf; https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2020_ENG.pdf (дата обращения: 11.06.2021).

- ст. 5 («Право на свободу и личную неприкосновенность»);
- ст. 6 («Право на справедливое судебное разбирательство»);
- ст. 10 («Свобода выражения мнения»);
- ст. 11 («Свобода собраний и объединений»).

Типичные нарушения

1. Нарушения при квалификации национальными судебными или иными правоприменительными органами действий лиц в качестве того или иного вида публичного мероприятия, от чего зависит вопрос о соблюдении процедур их поведения.

2. Отказ властей согласовать проведение публичного мероприятия или непредоставление альтернативных мест его проведения.

3. Неэффективность процедур обжалования решения властей о несогласовании времени и места проведения мероприятия.

4. Отсутствие в решениях властей о согласовании массового мероприятия приемлемого баланса интересов между организаторами и участниками таких мероприятий и иными лицами.

В качестве примера нарушения при квалификации национальными судебными или иными правоприменительными органами действий лиц в качестве того или иного вида публичного мероприятия можно рассматривать обстоятельства, изложенные в постановлении ЕСПЧ от 18 июля 2017 г. по делу «Захаркин и другие против России» (жалоба № 40377/10)¹.

Заявитель являлся организатором одиночных пикетов с участием нескольких лиц. Он раздал им плакаты и объяснил: чтобы избежать привлечения к ответственности за проведение публичного мероприятия без предварительного уведомления властей, участникам пикетов следует расположиться на некотором расстоянии друг от друга, например на разных улицах. Следует отметить, что действовавшее на тот момент российское законодательство не предусматривало специального уведомления

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-175681> (дата обращения: 13.06.2021).

и согласования на такой вид мероприятий, как одиночные пикеты. К тому же национальные нормы не предусматривали требования в отношении минимального расстояния между одновременными одиночными пикетированиями.

Заявителя задержали и доставили в отделение милиции, где он пробыл три часа. Позднее суд привлек его к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.2 КоАП РФ, в виде штрафа. Суд указал на то, что заявитель был обязан подать предварительное уведомление о проведении мероприятия в компетентный орган, как того требует закон, поскольку оно носило характер массовости: заявитель и его коллеги встретились в одном месте; заявитель давал указания другим и раздавал плакаты; он отвел их в место пикетирования. По мнению суда, описанные выше обстоятельства указывали на наличие мероприятия в форме не одиночного, а массового пикетирования. Заявитель утверждал, что он организовал несколько одиночных пикетирований своих коллег, а не единое публичное мероприятие. Таким образом, основной упор в главных жалобах заявителя делался на утверждение о произвольном применении внутреннего законодательства, касающегося мероприятий с участием нескольких участников и ответственности организаторов таких мероприятий за нарушение закона.

ЕСПЧ отметил, что действовавшее на момент события российское законодательство не предусматривало предварительного уведомления для проведения одиночных пикетов, равно как и не содержало требование о соблюдении минимальной дистанции между пикетирующими (данная норма появилась в законе позднее и дала возможность властям субъектов Российской Федерации самостоятельно устанавливать такую дистанцию, но не более чем в 50 м). В постановлении указывается: *«...действующее на тот момент законодательство было недостаточно предсказуемым, чтобы заключить, какое действие или бездействие могло считаться правонарушением ввиду нарушения требования об уведомлении, когда имелось сомнение, является*

ли рассматриваемое мероприятие групповым мероприятием (проводимым в форме собрания или пикетирования), одиночными пикетированиями, проводимыми одновременно, или просто одним одиночным пикетированием...» (п. 131 постановления ЕСПЧ от 18 июля 2017 г. по делу «Захаркин и другие против России» (жалоба № 40377/10)).

Суд также рассмотрел вопрос о квалификации действий участников пикетирования как групповых на основании ч. 1.1 ст. 7 Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»¹ (далее – *Закон № 54-ФЗ*). Он указал, что запланированные властями цели по обеспечению общественного порядка во время проведения публичного мероприятия были полностью достижимы с помощью надлежащего применения требования о соблюдении расстояния – без «насущной социальной потребности» в применении «правила переквалификации» и требования о подаче уведомления. Это, по мнению Суда, существенным образом затрагивает свободу выражения мнения, осуществляемую участниками одиночных пикетирований.

В связи с этим ЕСПЧ не усматривает законной цели, которую намеревались достичь органы власти применительно к ст. 10 Конвенции. Также Суд не смог установить достаточные основания, составляющие «насущную социальную необходимость» для привлечения к ответственности за несоблюдение требования о подаче уведомления, когда заявители просто стояли на расстоянии 50 м друг от друга, не нарушая общественный порядок и никому не мешая. ЕСПЧ формулирует в связи с этим следующую правовую позицию: *«Действительно, не имелось никаких убедительных обстоятельств, связанных с общественной безопасностью, предотвращением беспорядков или защитой прав других лиц. Единственным соответствующим соображением являлась необходимость наказать за противоправные действия. В данном контексте это не является веским доводом... при*

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 25. Ст. 2485.

отсутствииотягчающих обстоятельств» (п. 199 постановления ЕСПЧ от 18 июля 2017 г. по делу «Захаркин и другие против России» (жалоба № 40377/10).

Таким образом, в данном деле ЕСПЧ указывает на один из основных признаков демократического подхода к организации такого вида публичных мероприятий, как одиночные пикетирования. Правовая позиция, во-первых, сводится к пониманию того, что отсутствие нарушения общественного порядка участниками мероприятия, а также формальное соблюдение ими правил размещения на территории не дает право властям квалифицировать эти действия как массовое мероприятие, для которого требуется уведомление. Во-вторых, позиция ЕСПЧ указывает на необходимость учитывать характер действий участников пикетирования во время его проведения, а не в период, предшествовавший ему. Собрание участников до начала мероприятия не может рассматриваться как нарушение закона.

Жалобы на отказ властей согласовать проведение публичного мероприятия или непредоставление альтернативных мест его проведения также становились предметом рассмотрения ЕСПЧ. Для МВД России эти дела имеют значение, поскольку результат несогласования прямо влияет на возможность применения к участникам мер принуждения.

В постановлении ЕСПЧ от 7 февраля 2017 г. по делу «Лашманкин и другие против России» (жалоба № 57818/09 и 14 других)¹ отражено множество ситуаций, которые складывались при организации и проведении различных публичных мероприятий: митингов, шествий, пикетирований. В частности, один из заявителей обжаловал решение властей Москвы не предоставлять ему как организатору коллективного пикетирования альтернативных мест его проведения, что противоречит действующему законодательству, в соответствии с которым власти обязаны это делать. Отказ мотивировался тем, что данное лицо

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170857> (дата обращения: 13.06.2021).

подало второе уведомление об одновременном проведении другого пикетирования в соседнем округе. Таганский районный суд отказал в удовлетворении его жалобы заявителя на решение властей Москвы. В частности, суд постановил, что отказ согласовать пикетирование в других местах был законным, поскольку заявитель представил два уведомления в отношении мероприятий в двух разных местах – в Центральном и Северном административных округах, – которые должны были проводиться одновременно.

Заявитель утверждал, что национальное законодательство не предусматривает отказа в согласовании времени и места проведения публичного мероприятия на основании подачи двух уведомлений одним лицом.

В данном случае ЕСПЧ установил отсутствие достаточных оснований у властей не предложить альтернативное место проведения мероприятия только на основании того, что заявитель является организатором двух таких мероприятий. По мнению Суда, этот аспект никак не был оговорен в действовавшем на момент события законодательстве, однозначный запрет на одновременную подачу других уведомлений закреплён не был, а следовательно, заявители могли это сделать. Также было указано, что закон обязывает власти предлагать альтернативу вне зависимости от того, кто и в отношении скольких мероприятий является уведомителем.

Ещё одной проблемой, с которой сталкиваются организаторы публичных мероприятий, является проблема обжалования решения властей о несогласовании времени и места проведения мероприятия. Суды очень долго рассматривают такие жалобы, фактически не оставляя возможности организатору провести мероприятие в установленных рамках, даже если суд признаёт несогласование незаконным. В таких ситуациях ЕСПЧ исходит из общей нормы ст. 13 Конвенции.

В отношении отказа в предварительном согласовании публичного мероприятия ЕСПЧ указал, что одним из важнейших

аспектов является наличие эффективных средств правовой защиты тех, кто подает уведомление. В связи с этим отмечено, что понятие **эффективного средства правовой защиты** подразумевает возможность получения окончательного решения по таким ограничениям до времени, на которое запланировано мероприятие: *«Средство правовой защиты, носящее характер постфактум, не может предоставить соответствующее возмещение в отношении ст. 11 Конвенции. Поэтому для эффективного осуществления свободы собраний важно, чтобы применимые законы предусматривали разумные сроки, в течение которых государственные органы должны действовать, принимая соответствующие решения...»* (п. 345 постановления ЕСПЧ от 7 февраля 2017 г. по делу «Лашманкин и другие против России» (жалоба № 57818/09 и 14 других).

Также ЕСПЧ указал, что российские законы предусматривали для организаторов сроки на подачу уведомления о публичном мероприятии, но органы власти не были связаны какими-либо правовыми ограничительными сроками для выдачи своих окончательных решений. Европейский Суд, таким образом, установил, что судебное средство правовой защиты, доступное организаторам публичных мероприятий, имеющее характер постфактум, не могло обеспечить адекватное исправление предполагаемых нарушений.

Правовая позиция ЕСПЧ относительно отсутствия в решениях властей о согласовании массового мероприятия приемлемого баланса интересов между организаторами, участниками таких мероприятий и иными лицами также нашла отражение в рассматриваемом постановлении по делу «Лашманкин и другие против России». В частности, речь идет о ситуации, при которой власти отказываются согласовывать проведение публичного мероприятия в конкретном месте по причине того, что это может помешать проведению других (культурно-массовых, спортивных и т. п.) мероприятий, а также потому, что это может создать трудности в движении транспорта и граждан.

ЕСПЧ в связи с этим отмечает, что даже в тех делах, когда российские суды рассматривали обоснованный вопрос, был ли отказ в согласовании места, времени или способа проведения публичного мероприятия, они не признавали сопряженность с противоречием права на свободу собраний и законных интересов других лиц и неприменением подхода уравнивания интересов. Далее подчеркивается, что *«баланс, по-видимому, был установлен в пользу защиты интересов третьих лиц, например прав и свобод лиц, не являющихся участниками, таким образом, делающим затруднительным решение исхода дела в пользу свободы собраний. Суд заключает, что на практике российские суды не применили стандарты, которые соответствовали принципам, установленным в ст. 11 Конвенции, и не провели проверку требований пропорциональности и необходимости»* (п. 358 постановления ЕСПЧ от 7 февраля 2017 г. по делу «Лашманкин и другие против России» (жалоба № 57818/09 и 14 других).

Анализ показывает, что ЕСПЧ по жалобам на нарушения свободы собраний и выражения мнений придерживается позиций соблюдения приемлемого баланса интересов общества, государства и лиц, желающих реализовать такие права. Ограничения, вводимые властями в целях обеспечения общественного порядка и безопасности, должны быть обоснованными и объективными.

Аналогичные или схожие правовые позиции ЕСПЧ отражены в его постановлениях от 3 октября 2013 г. по делу «Каспаров и другие против России» (жалоба № 21613/07), от 5 января 2016 г. «Фрумкин против России» (жалоба № 74568/12), от 26 апреля 2016 г. по делу «Новикова и другие против России» (жалоба № 25501/07 и четыре других), от 4 октября 2016 г. по делу «Ярослав Белоусов против России» (жалобы № 2653/13 и 60980/14), от 11 октября 2016 г. по делу «Каспаров против России» (жалоба № 53659/07), от 13 декабря 2016 г. по делу «Каспаров и другие против России (№ 2)» (жалоба № 51988/07), от 18 июля 2017 г. «Елисеев против России» (жалоба № 32151/09), от 25 июля 2017 г. по делу «Анненков и другие против России» (жалоба

№ 31475/10), от 3 апреля 2018 г. по делу «Матвеев против России» (жалоба № 44135/08), от 19 ноября 2019 г. по делу «Оботе против России» (жалоба № 58954/09).

Следует отметить, что вопросы проведения публичных мероприятий неоднократно становились предметом рассмотрения со стороны Конституционного Суда РФ по индивидуальным и коллективным жалобам. Часть решений по таким делам была вынесена в контексте тех же проблем, которые поднимал ЕСПЧ, а часть стала предметом самостоятельного толкования.

В частности, в постановлениях Конституционного Суда РФ была поставлена точка в вопросе о законности нормативного запрета проводить публичные мероприятия вблизи зданий, занимаемых органами государственной власти. В определении от 29 мая 2007 г. № 428-О-О Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы заявителя, который утверждал, что положение п. 3 ч. 2 ст. 8 Закона № 54-ФЗ, запрещающее проведение публичного мероприятия вблизи зданий судов, несовместимо со ст. 31 Конституции РФ, поскольку оно чрезмерно ограничивает право на свободу собраний. Конституционный Суд РФ установил, что целями этого ограничения являются защита независимости судебных органов и предотвращение давления на судей. Таким образом, ограничение было оправданно и не нарушало конституционные права граждан.

Другим вопросом, поднимавшимся в органе конституционного правосудия, был вопрос о неопределенности границ территорий, на которых запрещается проведение публичных мероприятий. В определении от 17 июля 2007 г. № 573-О-О Конституционный Суд РФ рассмотрел жалобу Уполномоченного по правам человека, который утверждал, что Закон № 54-ФЗ не обладает достаточной предсказуемостью применения, поскольку он не содержит четкого определения границ территории, в которых проведение публичных мероприятий было запрещено в соответствии с ч. 2 ст. 8 Закона. Конституционный Суд РФ отметил, что запрет на проведение публичных мероприятий в этих

местах оправдан соображениями безопасности и особым правовым режимом, действующим на данной территории. Он также постановил, что граница земельных участков рассматриваемых территорий должна быть определена решениями органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органов местного самоуправления в соответствии с нормативными правовыми актами, регулирующими отношения в сфере землеустройства, землепользования и градостроительства. Такие решения должны быть объективно оправданы целью обеспечения нормального функционирования коммунальных служб, расположенных на соответствующей территории. В отсутствие решения органов исполнительной или муниципальной власти, определяющих границы территории, где проведение публичных мероприятий было запрещено, публичные мероприятия в этом месте не могут считаться незаконными, а их участники не могут быть привлечены к ответственности. Таким образом, данная правовая позиция в целом совпадает с позициями ЕСПЧ, которые также указывают на то, что отсутствие нормативно определенных границ не должно создавать препятствий для проведения на данной территории публичных мероприятий.

Вместе с тем в ряде ситуаций правовые позиции Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ расходятся. Это видно особенно хорошо из сравнения определения от 2 апреля 2009 г. № 484-О-П и постановления ЕСПЧ от 7 февраля 2017 г. по делу «Лашманкин и другие против России» (жалоба № 57818/09 и 14 других). Заявители утверждали, что ч. 5 ст. 5 Закона № 54-ФЗ, которая запрещала проведение публичного мероприятия, если время и место его проведения не были согласованы с компетентными региональными или муниципальными органами власти, несовместима со ст. 31 Конституции РФ. Конституционный Суд РФ постановил, что как Конституция РФ, так и Конвенция 1950 г. предусматривают ограничения свободы собраний в определенных случаях. Российский закон не наделяет органы исполнительной власти полномочиями по запрету публичного мероприятия,

а лишь разрешает властям делать обоснованные предложения относительно места или времени проведения публичного мероприятия. При этом Конституционный Суд РФ отмечает невозможность составления исчерпывающего перечня допустимых причин несогласования, поскольку это могло бы привести к необоснованному ограничению полномочий органов исполнительной власти. Таким образом, правовая позиция ЕСПЧ относительно предельной конкретизации оснований несогласования входит в определенное противоречие с правовой позицией Конституционного Суда РФ.

Вместе с тем в этом же определении Конституционный Суд РФ согласился с другой позицией ЕСПЧ. Он постановил, что отказ органов власти согласовать публичное мероприятие не может быть оправдан логистическими или другими аналогичными соображениями. Тот факт, что публичное мероприятие может становиться причиной неудобств, не является достаточным для обоснования предложения об изменении места или времени проведения. Органы власти должны были продемонстрировать, что соображения общественного порядка сделали невозможным проведение публичного мероприятия.

Значительное влияние на правоприменительную практику в вопросах нарушений при проведении массовых мероприятий оказало постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях»¹, принятое в том числе с учетом постановлений Европейского Суда.

В этом документе Верховный Суд РФ разъясняет отдельные вопросы, которые касаются оценки судами организации публичного мероприятия. В частности, отмечается, что уведомление о проведении мероприятия, поданное ранее установленного срока, не лишает его организатора права на повторное обращение

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

с уведомлением в пределах установленного срока. Часть разъяснений посвящена проведению мероприятий в помещениях и на пространствах, находящихся в частной собственности. Верховный Суд РФ указывает, что и в этом случае уведомления являются обязательными.

В части вопросов, возникающих при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях, Верховный Суд РФ разъясняет следующие аспекты, связанные с воспрепятствованием проведению мероприятия:

1) не влечет наступления административной ответственности по ст. 5.38 КоАП РФ незаконное воспрепятствование проведению публичного мероприятия, совершенное должностным лицом с использованием своего служебного положения;

2) к воспрепятствованию проведению публичного мероприятия следует также относить умышленные действия не являющихся участниками публичного мероприятия граждан, нарушающие нормальный ход публичного мероприятия и затрудняющие или исключаящие достижение его целей;

3) воспрепятствование участию в публичном мероприятии заключается в создании вопреки требованиям закона препятствий для реализации конституционного права на проведение публичных мероприятий и может состоять, например, в запрещении прохода гражданина к месту проведения публичного мероприятия путем незаконного создания заслонов, ограждений, а также в недопущении выражения участником публичного мероприятия своего мнения способом, не нарушающим общественного порядка.

Анализ показывает, что ЕСПЧ устанавливает факты нарушения права на свободу собраний, объединений, свободу выражения мнений прежде всего в контексте несоблюдения властями приемлемого баланса интересов различных групп граждан и интересов властей. Европейский Суд усматривал несоответствие действий уполномоченных органов исполнительной власти ст. 11 Конвенции в том случае, когда отказ согласовывать проведение

публичного мероприятия в конкретном месте не был сопровожден предложением другого места его проведения. Кроме того, ЕСПЧ констатировал нарушения в части сроков принятия властями окончательного решения о согласовании проведения публичного мероприятия.

§ 2.7. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения прав и свобод человека при проведении контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского федерального округа

Большинство постановлений ЕСПЧ по такой категории дел было принято в отношении жалоб родственников и других заинтересованных лиц по факту задержания и последующего бесследного исчезновения гражданских лиц в условиях проведения контртеррористических операций в республиках Северного Кавказа. Сущность жалоб, а также обстоятельства, на которые ссылаются заявители, возможно типизировать.

Квалификация: несмотря на то, что прямые доказательства причастности представителей правоохранительных органов к «неучтенным» задержаниям и последующим исчезновениям были установлены далеко не во всех делах такого рода, ЕСПЧ неизменно констатирует нарушение ст. 5 Конвенции в части незаконного задержания, ст. 2 Конвенции в части неспособности властей обеспечить безопасность, повлекшей смерть лица, а также ст. 13 Конвенции в части неэффективного расследования фактов исчезновения людей.

Следует отметить, что аналогичные постановления принимались и в отношении властей других государств, где проводились специальные операции, приведшие к сходным последствиям (в частности, постановление от 27 февраля 2001 г. по делу «Чиек против Турции» (жалоба № 25704/94)¹.

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-59219> (дата обращения: 07.06.2021).

Типичные нарушения

Характерными примерами являются постановления ЕСПЧ от 12 июня 2008 г. по делу «Атабаева и другие против России» (жалоба № 26064/02)¹, от 12 июня 2008 г. по делу «Элмурзаев и другие против России» (жалоба № 3019/04)², от 21 февраля 2017 г. по делу «Куштова и другие против России (№ 2)» (жалоба № 60806/08)³. В частности, жалобы в данных делах были связаны со следующими фактами:

1) заявители утверждали, что их родственники или знакомые были задержаны в ходе проводимой федеральными силами специальной операции по «отработке» жилого сектора в целях обнаружения предполагаемых участников незаконных вооруженных формирований;

2) заявители утверждали, что задержание проводилось с применением грубой силы, хотя задерживаемые не оказывали сопротивления и выполняли все требования властей;

3) родственники не получили копий процессуальных документов о задержании, а также о принятых процессуальных решениях, несмотря на неоднократные запросы;

4) наличие подтвержденных свидетельских показаний о задержании родственников заявителей и их содержании под стражей в местах, контролируемых правоохранительными органами;

5) невозвращение задержанных, отсутствие сведений об их судьбе.

Во всех делах, где присутствует факт задержания, осуществленного в условиях исключительного правового режима, повлекшего исчезновение задержанного, представители Российской Федерации отстаивали точку зрения о непричастности военнотружущих или сотрудуников правоохранительных органов.

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-86883> (дата обращения: 07.06.2021).

² Там же. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-86945> (дата обращения: 07.06.2021).

³ Там же. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-171527> (дата обращения: 03.06.2021).

В частности, указывалось на отсутствие оснований причастности вследствие невозможности даже самих заявителей четко идентифицировать таких лиц. Однако ЕСПЧ по всем подобным жалобам не принял во внимание доводы представителей Российской Федерации в части нарушения ст. 5 Конвенции. Кроме того, оспаривая применимость ст. 2 Конвенции к такого рода делам, представители Российской Федерации утверждали, что в отсутствие тела исчезнувшего лица никто не может явно свидетельствовать о его смерти и, следовательно, ст. 2 Конвенции неприменима.

В частности, в рамках таких дел ЕСПЧ сформулировал позицию, в соответствии с которой *«его задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, а официальные сведения о его дальнейшем местонахождении и судьбе отсутствуют. В соответствии с практикой Суда сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы лицам скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответственности за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с главной целью ст. 5 Конвенции... власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявителей на то, что их родственника задержали и куда-то увели при угрожающих жизни обстоятельствах»* (пп. 107 и 108 постановления ЕСПЧ от 12 июня 2008 г. по делу «Атабаева и другие против России»).

Кроме этого, характерна правовая позиция ЕСПЧ в таких делах относительно бремени доказывания. В них Суд исходит из презумпции виновности государства, поскольку *«...Правительство должно убедительно аргументировать, почему*

рассматриваемые документы не могут служить подтверждением утверждений, выдвинутых заявителями, или предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение того, как произошли рассматриваемые события. Таким образом, бремя доказывания перекладывается на Правительство...» (п. 83 постановления ЕСПЧ от 12 июня 2008 г. по делу «Атабаева и другие против России» (жалоба № 26064/02).

Относительно доводов властей о неприменимости к таким делам ст. 2 Конвенции вследствие отсутствия найденного тела Суд категорически не согласился с ними практически во всех случаях. В частности, в ряде дел дублируется одно и то же утверждение, в соответствии с которым *«...пропавший человек может считаться умершим. Принимая во внимание многочисленные дела об исчезновениях в Чечне и Ингушетии, рассмотренные ранее, Европейский Суд определил, что с учетом особого контекста конфликта в регионе, в случаях когда человек был задержан неустановленными представителями власти без последовавшего за этим официального признания факта задержания, данная ситуация может рассматриваться как представляющая угрозу для жизни...»* (п. 77 постановления ЕСПЧ от 21 февраля 2017 г. по делу «Куштова и другие против России (№ 2)» (жалоба № 60806/08).

Вопросы эффективности проведенного расследования исчезновения людей в ходе контртеррористической операции также становятся источником сформулированных правовых позиций ЕСПЧ. В частности, Суд неоднократно подчеркивал, что само по себе возбуждение уголовного дела в данной ситуации не может считаться эффективным средством защиты. Во многих подобных делах, рассмотренных ЕСПЧ, констатируется, что расследования остаются незавершенными на протяжении многих лет и не приводят к существенным результатам в отношении установления личностей преступников или выяснения судьбы пропавшего человека. К основным недостаткам следствия Суд в разное время относил следующее:

1) расследование приостанавливается на длительный период, что в дальнейшем сокращает шансы раскрыть преступление;

2) не предпринимается надлежащих действий, направленных на то, чтобы проверить утверждения заявителей в отношении нахождения исчезнувшего лица под стражей;

3) отсутствуют попытки установить личности сотрудников спецслужб, которые могли бы иметь сведения об исчезнувшем лице;

4) не осуществляются какие-либо действия, направленные на то, чтобы установить личность сотрудников полиции, патрулирующих местность рядом с местом похищения в соответствующий день.

Отдельного внимания заслуживают правовые позиции ЕСПЧ по делам об исчезновении людей при проведении контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского федерального округа, в которых Суд признает родственников похищенных людей жертвами нарушения ст. 3 Конвенции. В отдельных постановлениях подчеркивается, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте исчезновения члена семьи, сколько в том, каковы реакция и позиция властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения: *«...в тех случаях, когда о смерти пропавшего становится известно спустя длительное время после того, как он или она считались без вести пропавшими, существует определенный период, в течение которого заявитель страдает от неопределенности, тревоги и стресса, характерных для особого феномена исчезновений»* (п. 115 постановления ЕСПЧ от 9 ноября 2006 г. по делу «Лулуев и другие против России» (жалоба № 69480/01))¹.

Суд считает, что заявители, которые являются матерями и родными братьями (сестрами) без вести пропавших людей, должны быть признаны жертвами нарушения по ст. 3 Конвенции, поскольку они пережили и продолжают испытывать душевные страдания и стресс по причине невозможности установить

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-77926> (дата обращения: 03.06.2021).

дальнейшую судьбу их исчезнувшего родственника и по причине равнодушия властей к решению данного вопроса.

Анализ показывает, что Европейский Суд рассматривает жалобы на действия властей в период проведения специальных, в том числе контртеррористических, операций прежде всего в контексте обоснованности задержаний и содержания под стражей, эффективности расследования фактов жестокого обращения и исчезновения людей, гарантий фундаментальных прав человека. При этом позиция ЕСПЧ относительно виновности властей в исчезновениях проистекает не столько из доказательств причастности к этому сотрудников силовых структур, сколько из обязанности государства не допускать подобные факты и эффективно их расследовать.

Аналогичные или схожие правовые позиции ЕСПЧ по рассматриваемой категории содержатся в постановлениях от 21 июня 2016 г. по делу «Мутаева и Исмаилова против России» (жалоба № 33539/12), от 21 июня 2016 г. по делу «Ибрагим Цечоев против России» (жалоба № 18011/12), от 22 ноября 2016 г. по делу «Орцуева и другие против России» (жалобы № 3340/08 и 24689/10), от 31 января 2017 г. по делу «Абубакарова и Мидалишова против России» (жалобы № 47222/07 и № 47223/07), от 14 марта 2017 г. по делу «Орлов и другие против России» (жалоба № 5632/10), от 13 апреля 2017 г. по делу «Тагаева и другие против России» (жалоба № 26562/07 и шесть других), от 10 октября 2017 г. по делу «Хаджимурадов и другие против России» (жалоба № 21194/09 и 16 других), от 31 марта 2020 г. по делу «Мурдаловы против России» (жалоба № 51933/08).

§ 2.8. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий

В практике Европейского Суда по правам человека вопросы, связанные с осуществлением оперативно-разыскных мероприятий

(далее в параграфе – *ОРМ*)¹, поднимаются, как правило, в связи с одним видом нарушений, которые заявители усматривают в действиях сотрудников правоохранительных органов, – провокации преступления. Большинство российских дел касается провокации взятки или провокации действий, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Проблема соотношения оперативного эксперимента и провокации преступления присутствует в практике правоохранительных органов многих государств. Однако следует отметить, что отечественная правовая доктрина и правоприменение более лояльно относятся к идее борьбы с латентными преступлениями при помощи данного вида ОРМ, чем во многих других государствах – членах Совета Европы. Кроме того, в отечественном законодательстве (также в отличие от законодательства отдельных европейских государств) нет четкого разграничения оперативного эксперимента и провокации преступления, о чем в своих постановлениях часто напоминает ЕСПЧ.

В целом ЕСПЧ признает, что осуществление негласных методов борьбы с преступлениями, особенно коррупционной направленности, не противоречит положениям Конвенции. Основные проблемы, на которые указывает Суд, – это несовершенство законодательства в части критериев провокации, а также незаконные действия сотрудников правоохранительных органов, которые нередко буквально уговаривают заявителей совершить преступление, причем иногда делают это неоднократно.

Учитывая серьезный общественный резонанс и немалое количество жалоб на нарушения при осуществлении ОРМ, Европейский Суд выработал четкие и приемлемые критерии разграничения провокации преступления и законных действий сотрудников правоохранительных органов.

¹ Написание слова *разыскной* дано в соответствии с правилами русского языка (напр.: Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М. : Эксмо, 2006. С. 53). При приведении названий документов сохранена оригинальная орфография.

Квалификация: в большинстве случаев, если ЕСПЧ устанавливает нарушения Конвенции при осуществлении ОРМ, они квалифицируются по следующим статьям Конвенции:

- ст. 6 («Право на справедливое судебное разбирательство»);
- ст. 13 («Право на эффективные средства правовой защиты»).

Типичные нарушения

Характерным в данном случае можно считать постановление ЕСПЧ от 30 октября 2014 г. по делу «Носко и Нефедов против России» (жалобы № 5753/09 и 11789/10)¹. Изначально жалобы были поданы отдельно, но потом объединены вследствие схожести обстоятельств:

1) в отношении обоих заявителей проводился оперативный эксперимент, направленный на расследование взяточничества. Фактические детали оперативных экспериментов не являются предметом спора, и заявители признались, что получили деньги в обмен на обязательство оказать определенные услуги. Заявители оспорили позицию властей в отношении причин проведения оперативных экспериментов и предшествующих им обстоятельств;

2) первая заявительница на момент задержания работала дерматовенерологом в поликлинике, второй заявитель – психиатром-наркологом;

3) в полицию поступили конфиденциальные оперативные данные о причастности заявителей А. В. Носко и Н. П. Нефедова к незаконному получению денег за выдачу и продление поддельных больничных листов – было принято решение о проведении оперативного эксперимента;

4) в ходе эксперимента заявительница А. В. Носко приняла деньги (500 ₽), поскольку подумала, что А. (передавала деньги под контролем и ее знала ранее) предложила их в знак признательности за успешное лечение ее дочери, которое имело место ранее;

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-147441> (дата обращения: 07.06.2021).

5) в ходе следствия выяснилось, что А. ранее неоднократно обращалась к врачам больницы с просьбой выдать поддельные больничные листы, т. е. являлась соучастницей преступлений, которые остались латентными;

6) сотрудники ДПС привезли Е. в кабинет к Н. П. Нефедову. (передавал деньги под контролем – сотрудник милиции) для проведения анализа на содержание алкоголя в его крови; заявитель сделал предварительный анализ, который показал наличие алкоголя;

7) Е. неоднократно просил заявителя помочь ему получить отрицательный результат анализа. Сначала Н. П. Нефедов категорически отказался и направил Е. на анализ крови в лабораторию в присутствии сотрудников полиции;

8) после этого Е. зашел в кабинет Н. П. Нефедова и снова попросил о содействии. Он предложил заплатить заявителю, утверждая, что от наличия водительских прав зависел его заработок и возможность содержать семью;

9) Н. П. Нефедов согласился с учетом упоминания о семье, взял деньги и был задержан.

ЕСПЧ усмотрел в действиях несоответствие общим принципам Конвенции в отношении обоих заявителей, в связи с чем сформулировал несколько правовых позиций: *«...негласные операции должны проводиться пассивным образом без оказания давления на заявителя для совершения преступления за счет таких средств, как принятие на себя инициативы в контактах с заявителем, настойчивое побуждение, обещание финансовой выгоды или обращение к чувству сострадания заявителя»* (п. 54 постановления ЕСПЧ от 30 октября 2014 г. по делу «Носко и Нефедов против России» (жалобы № 5753/09 и 11789/10); *«...если обвиняемые выдвигают доказуемый довод о подстрекательстве, внутригосударственные суды имеют обязательство рассмотреть его в рамках состязательной, тщательной, всесторонней и убедительной процедуры, причем на сторону обвинения возлагается бремя доказывания отсутствия под-*

стрекательства. Пределы судебной проверки должны включать мотивы принятия решения о негласном мероприятии, степень участия полиции в совершении преступления и характер любого подстрекательства или давления, которому подвергся заявитель» (п. 55 постановления ЕСПЧ от 30 октября 2014 г. по делу «Носко и Нефедов против России» (жалобы № 5753/09 и 11789/10).

Сходные правовые позиции были сформулированы и в другом деле – постановлении ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян против России» (жалоба № 53203/99)¹:

1) в 1998 г. заявитель был задержан и доставлен в ОВД, где его обыскали и нашли при нем пакетик героина. В отношении заявителя было возбуждено уголовное дело по подозрению в незаконном приобретении и хранении наркотических веществ;

2) на допросе в районном суде заявитель рассказал, что 2 июня 1998 г. он позвонил С., попросил достать ему наркотики. С. сказал, что постарается, и они договорились встретиться на квартире у С. Вскоре после этого заявителю позвонила О. и попросила купить ей героин. О. сказала заявителю, что ей очень нужны были наркотики из-за абстинентного синдрома;

3) испугавшись, что она могла покончить жизнь самоубийством, заявитель согласился и сказал, что он встретит ее возле дома С. Они встретились вечером того же дня. О. передала заявителю 200 Р. Заявитель поднялся в квартиру С. и купил у того один пакетик героина за 300 Р. Так как этого количества героина было недостаточно даже для него самого, он решил не делиться с О.;

4) далее заявитель сообщил суду, что он дал О. снотворное, сказав ей, что наркотик был низкого качества и что он вернет ей деньги позднее. Собравшись уходить, он заметил приближавшихся к ним людей, которые, как он затем узнал, были сотрудниками милиции. Он убежал от них, выкинув наркотики;

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-71673> (дата обращения: 14.06.2021).

5) чуть позже, ночью, он вернулся и нашел наркотики. На следующий день с наркотиками в кармане он пошел на работу, где и был задержан сотрудниками милиции;

6) согласно материалам уголовного дела, в отношении Ваньяна было проведено ОРМ «проверочная закупка» с использованием наркотических средств и вовлечением в мероприятие третьего лица – агента.

В данном деле ЕСПЧ указал, что *«внедрение тайных агентов должно быть ограничено и обеспечено соответствующими гарантиями даже в случаях борьбы с незаконным оборотом наркотических веществ... Требования справедливого судебного разбирательства по уголовным делам, содержащиеся в ст. 6 Конвенции, ведут к тому, что публичные интересы в сфере борьбы с оборотом наркотических веществ не могут служить основанием для использования доказательств, полученных в результате провокации. Если преступление было, предположительно, спровоцировано действиями тайных агентов и ничто не предполагает, что оно было бы совершено и без какого-либо вмешательства, то эти действия уже не могут являться деятельностью (обязанностью) тайного агента и представляют собой подстрекательство к совершению преступления. Подобное вмешательство и использование его результатов в уголовном процессе могут привести к тому, что будет неоправимо подорван принцип справедливости судебного разбирательства»* (пп. 46 и 47 постановления ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян против России» (жалоба № 53203/99).

Другим характерным примером может служить постановление от 4 ноября 2010 г. по делу «Банникова против России» (жалоба № 18757/06)¹:

1) в период с 23 по 27 января 2005 г. заявительница в ходе телефонных разговоров с С. договорилась с ним, что он будет поставлять ей гашиш для последующей продажи. Данные телефонные разговоры были записаны ФСБ России;

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101589> (дата обращения: 07.06.2021).

2) 28 января 2005 г. С. доставил заявительнице гашиш. Она добавила его к тому, что уже имелся у нее дома, упаковала его в три отдельных пластиковых пакета;

3) в тот же день было дано разрешение на проведение ОРМ «проверочная закупка»;

4) на следующий день оперативный сотрудник ФСБ России Б., действуя в качестве покупателя, встретился с заявительницей и приобрел у нее 4 408 г гашиша. После сделки заявительница была задержана. Впоследствии был проведен обыск в ее доме, где она передала еще одну упаковку с гашишем весом 28,6 г;

5) заявительница признала свою вину в содействии Б. в приобретении гашиша, но утверждала, что Б. подстрекал ее к совершению преступления и что она не совершила бы его без его участия.

В рамках этого дела ЕСПЧ указал на следующие существенные положения: *«Полицейская провокация случается тогда, когда задействованные должностные лица, являющиеся или сотрудниками органов безопасности, или лицами, действующими по их указанию, не ограничивают свои действия только расследованием уголовного дела по существу неявным способом, а воздействуют на субъект с целью спровоцировать его на совершение преступления, которое в противном случае не было бы совершено, с тем чтобы сделать возможным выявление преступления, т. е. получить доказательства и возбудить уголовное дело»* (п. 37 постановления ЕСПЧ от 4 ноября 2010 г. по делу «Банникова против России» (жалоба № 18757/06).

Аналогичные или сходные правовые позиции были высказаны и в других делах, где заявители утверждали, что стали жертвами полицейской провокации при проведении контрольных закупок наркотических средств. К таким делам, в частности, следует отнести постановления ЕСПЧ от 21 июня 2016 г. по делу «Мамонтов и другие против России» (жалоба № 46796/06 и две других), от 30 ноября 2017 г. по делу «Климов и другие против России» (жалоба № 22625/07 и восемь других), от 2 февраля

2012 г. «Веселов и другие против России» (жалоба № 23200/10 и две других).

Отдельного внимания в рамках данной категории дел заслуживают правовые позиции ЕСПЧ относительно вопросов контроля за проведением ОРМ. Европейский Суд неоднократно констатировал, что отсутствие должного контроля и несоблюдение необходимых процедур способны существенно нарушить права и законные интересы граждан. Таким образом, претензии, предъявляемые ЕСПЧ к Российской Федерации, касаются не только методов, но и организационных форм некоторых ОРМ. В частности, ЕСПЧ указывает на необходимость установления ясной процедуры не только по осуществлению следственных мероприятий, но и по созданию специального контроля в целях обеспечения добросовестности со стороны органов государственной власти и соблюдения законных целей со стороны правоохранительных органов.

Обратимся к постановлению ЕСПЧ от 26 октября 2006 г. по делу «Худобин против России» (жалоба № 59696/00)¹. В п. 60 ЕСПЧ констатировал, что *«...проверочная закупка проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность. Судебный контроль осуществляется, если в результате проведения проверочной закупки производится вмешательство в личную жизнь, корреспонденцию и нарушаются другие закрепленные Конституцией РФ права. Официальным требованием является заполнение протокола, где отображаются результаты проверочной закупки. Впоследствии этот протокол можно использовать в качестве доказательства в уголовном судебном разбирательстве»*.

Таким образом, Суд указал, что в уголовном деле проверочная закупка фактически была санкционирована решением руководителя подразделения, проводившего ОРМ, тем самым

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-77692> (дата обращения: 03.06.2021).

было лишено всякого независимого контроля, в том числе и судебного. В самом решении (постановлении) о проведении проверочной закупки содержалось недостаточно информации относительно причин и целей запланированного ОРМ.

Если рассматривать правовые позиции Верховного Суда РФ в отношении ОРМ и осуществления контрольных закупок, то они за последние 15 лет значительно эволюционировали – от непризнания даже теоретической возможности провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов до принятия части правовых позиций ЕСПЧ. Так, в надзорном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 апреля 2008 г. № 52-Д07-12¹ отмечено, что действия сотрудников правоохранительных органов, связанные с производством проверочных закупок в целях раскрытия и предупреждения преступной деятельности, связанной с распространением наркотических средств, не могут рассматриваться как провокационные действия сотрудников милиции. Из текста определения следует, что суд надзорной инстанции не рассматривает возможность провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Вместе с тем несколько раньше Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»² сформулировал критерии допустимости использования в доказывании по уголовному делу результатов ОРМ:

1) наличие оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий, предусмотренных ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» наличие постановления о проведении проверочной закупки, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность;

¹ Верховный Суд РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=198254 (дата обращения: 03.06.2021).

² Российская газета. 2006. № 4103.

2) наличие в материалах ОРД, представленных в суд, данных, свидетельствующих о том, что умысел на совершение преступления сформировался независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений, и обвиняемым были проведены все подготовительные действия, необходимые для совершения противоправного деяния.

В «Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ»¹, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г., критерии, сформулированные ранее, были изменены и в своей трактовке по отдельным моментам стали соответствовать некоторым правовым позициям ЕСПЧ. Так, требование законности проведения проверочной закупки истолковано более широко. Кроме наличия постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, *«для проведения указанного ОРМ требуются данные, свидетельствующие о незаконной деятельности лица, в отношении которого планируется провести закупку, а также следует закрепить эти данные, придать им такую процессуальную форму, которая позволит в будущем признать их доказательствами по делу»* (п. 7.1).

Также было указано на положительный опыт отдельных судов, которые обращали внимание на то, что до проведения ОРМ «проверочная закупка» у правоохранительных органов не было оснований подозревать лицо в распространении наркотических средств и было установлено, что сам сбыт наркотического средства явился результатом вмешательства оперативных работников.

Анализ показывает, что ЕСПЧ при рассмотрении жалоб на нарушения при осуществлении ОРМ констатирует их в основном в двух ситуациях: когда действия сотрудников правоохранительных

¹ Верховный Суд РФ. URL: <http://www.supcourt.ru/files/14055> (дата обращения: 03.06.2021).

органов образуют провокацию совершения преступления и когда устанавливается отсутствие должного контроля за порядком проведения ОРМ.

§ 2.9. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека на нарушения при заключении под стражу и содержании под стражей

Жалобы на нарушения прав человека при заключении под стражу или при содержании под стражей являются одними из самых распространенных не только в практике жалоб против Российской Федерации, но и в аналогичной практике против многих других государств – членов Совета Европы. Объяснением такой распространенности может служить то, что заключение под стражу занимает особое место среди всех форм государственно-принудительного воздействия, поскольку данное принуждение осуществляется еще до вступления в силу приговора (решения) суда и, следовательно, лицо должно рассматриваться как невиновное с сохранением большинства прав, которые ему принадлежат вне рамок уголовного или административного преследования. Однако во многих странах практика идет по пути обвинительного характера мер пресечения, при котором избирается наиболее строгая из них вне зависимости от личности лица или обстоятельств дела. Эта проблема составляет первую категорию жалоб, поступающих в ЕСПЧ по вопросам ареста. Вторая категория – жалобы на условия содержания. Несмотря на принцип презумпции невиновности, во многих случаях условия содержания арестованных лиц таковы, что с точки зрения ЕСПЧ они уже могут рассматриваться как элемент наказания и даже пыток. Третья категория жалоб – применение пыток в условиях содержания под стражей. Учитывая разносторонний характер обстоятельств, порождающих жалобы этой категории, количество статей Конвенции и Протоколов к ней, по которым квалифицируются нарушения, достаточно велико.

Далеко не все жалобы на нарушения при заключении под стражу и содержании под стражей затрагивают интересы МВД России. Большая часть таких жалоб адресована специальному государственному органу – Федеральной службе исполнения наказаний, в компетенции которого в настоящее время находятся функции по приведению в исполнение приговоров и обеспечению содержания под стражей арестованных лиц. Кроме того, жалобы затрагивают судебную систему, поскольку именно за судами стоит последнее слово в избрании меры пресечения. Вместе с тем ряд жалоб прямо или косвенно касается органов внутренних дел: вопросы содержания арестованных в помещениях ОВД; доставление на следственно-оперативные мероприятия; продление сроков содержания под стражей следователями МВД России и т. д.

Квалификация: в большинстве случаев, если ЕСПЧ устанавливает нарушения Конвенции при задержании, они квалифицируются по следующим статьям Конвенции:

- ст. 5 («Право на свободу и личную неприкосновенность»);
- ст. 6 («Право на справедливое судебное разбирательство»);
- ст. 13 («Право на эффективные средства правовой защиты»);
- ст. 3 («Запрещение пыток»).

Типичные нарушения

1. Необоснованное содержание под стражей. Под необоснованным содержанием под стражей в большинстве профильных постановлений ЕСПЧ понимается несколько аспектов. Во-первых, это избрание данной меры пресечения в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, не несущего существенной общественной опасности. Во-вторых, принятие решения об аресте без учета личности лица. В-третьих, продление содержания под стражей без существенных на то оснований.

Характерным примером является постановление ЕСПЧ от 10 февраля 2011 г. по делу «Пелевин против России» (жалоба № 38726/05)¹:

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103391> (дата обращения: 16.06.2021).

1) в 2004 г. суд по ходатайству органов следствия санкционировал содержание заявителя под стражей, свое решение аргументировав тем, что заявитель уже имел судимость и подозревался в совершении нескольких тяжких уголовных преступлений. Заявитель был безработным и не имел дохода для обеспечения себя и своей семьи;

2) через полгода суд первой инстанции по ходатайству органов следствия принял решение назначить день предварительного слушания и предписал, что мера пресечения в виде содержания под стражей для заявителя должна остаться неизменной;

3) суд второй инстанции, рассматривая жалобу на такое решение, указал на тяжесть вменяемых обвинений и не нашел оснований для изменения меры пресечения, санкционировал дальнейшее содержание заявителя под стражей, но не установив никаких сроков;

4) заявитель и его адвокат ходатайствовали об освобождении заявителя, ссылаясь на фактические и юридические основания. Они утверждали, что судимость заявителя уже погашена и что у него на иждивении находились мать-инвалид и несовершеннолетняя дочь;

5) суд признал, что предыдущая судимость заявителя уже погашена, что у него на иждивении находятся два человека, однако придал решающее значение выдвинутым обвинениям.

Таким образом, из всех обстоятельств, которые должны повлиять на решение суда об изменении меры пресечения, суд остановился только на одном. При этом в соответствии с принципом презумпции невиновности заявитель до признания его вины судом считается невиновным. Предъявленное обвинение (т. е. предположение стороны обвинения) стало, таким образом, единственным аргументом за сохранение меры пресечения в виде содержания под стражей для формально невиновного лица.

ЕСПЧ в постановлении указал, что вопрос о том, обоснованно ли обвиняемый остается под стражей, должен рассматриваться в каждом случае с учетом конкретных обстоятельств дела.

Длительное содержание под стражей может считаться обоснованным только в том случае, если имеются конкретные указания на то, что соблюдение интересов общества – независимо от презумпции невиновности – превышает уважение личной свободы, предусмотренное ст. 5 Конвенции.

Основные правовые позиции ЕСПЧ по этому вопросу сводятся к следующему: *«Вопрос о том, разумно ли для обвиняемого оставаться под стражей, должен оцениваться в каждом случае в соответствии с его особенностями. Продолжение содержания под стражей может быть оправданно в данной конкретной ситуации только в том случае, если имеются конкретные указания на подлинное требование общественных интересов, которое, несмотря на презумпцию невиновности, перевешивает правило уважения свободы личности, изложенное в ст. 5 Конвенции»* (п. 49 постановления ЕСПЧ от 10 февраля 2011 г. по делу «Пелевин против России» (жалоба № 38726/05); *«Наличие и сохранение обоснованных подозрений в том, что арестованное лицо совершило преступление, являются непременными условиями законности дальнейшего содержания под стражей. Однако по прошествии определенного времени этого уже недостаточно. В таких случаях Суд должен установить, продолжали ли другие основания, приведенные судебными органами, оправдывать лишение свободы. В тех случаях, когда такие основания были „существенными“ и „достаточными“, Суд должен также удостовериться, проявили ли компетентные национальные органы „особую осмотрительность“ при проведении разбирательства»* (п. 50 постановления ЕСПЧ от 10 февраля 2011 г. по делу «Пелевин против России» (жалоба № 38726/05).

2. Срок содержания под стражей. Прецедентная практика ЕСПЧ исходит из того, что одним из наиболее важных критериев с точки зрения соблюдения прав человека при аресте является разумность его сроков. При этом разумность не может оцениваться абстрактно, но должна учитывать обстоятельства дела в каждом конкретном случае.

Европейский Суд допускает длительное содержание под стражей, если имеются особые обстоятельства, исходящие из общественных интересов, которые – с учетом принципа презумпции невиновности – тем не менее важнее принципа уважения свободы личности. ЕСПЧ исходит из того, что основной задачей национальных судов при санкционировании продления сроков содержания под стражей должно быть определение пределов разумности продолжительности действия меры пресечения. Они должны рассматривать все факторы, способные повлиять на решение (факторы личного характера, состояние здоровья обвиняемого, его активная позиция по преодолению последствий преступления).

Характерным примером является постановление ЕСПЧ от 10 октября 2013 г. по делу «Сорокин против России» (жалоба № 67482/10)¹:

1) в 2003 г. заявитель был арестован. Ему предъявлено обвинение в краже и использовании похищенных и поддельных документов, удостоверяющих личность. В 2004 г. он был осужден к трем годам шести месяцам лишения свободы (отбыл наказание в 2006 г.);

2) в том же году районный суд избрал заявителю меру пресечения в виде содержания под стражей в связи с обвинением в убийстве, участии в вооруженной преступной группе, разбое, вымогательстве, похищении людей;

3) в 2009 г. заявитель был осужден областным судом. Все указанное время заявитель содержался под стражей. Помимо наличия разумного подозрения в отношении заявителя следствие ссылалось на риск укрытия от правосудия, повторного совершения преступления или давления на свидетелей или присяжных;

4) заявитель в общей сложности содержался под стражей более пяти лет.

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-126639> (дата обращения: 04.06.2021).

В постановлении констатируется, что тяжесть предъявленных обвинений может оправдать длительный срок содержания лица под стражей, однако не дает правоохранительным органам неограниченные полномочия в отношении продления меры пресечения.

ЕСПЧ согласился с тем, что власти могли разумно считать, что первоначально риск оказания давления на свидетелей и присяжных, действительно, присутствовал, если учитывать тот факт, что заявитель обвинялся в участии в организованной преступной группе. Вместе с тем в постановлении отмечается, что *«...подобный риск, сформулированный в общих словах, не может служить оправданием содержания заявителя под стражей в течение более пяти лет. Аргументация судов не менялась и не отражала ход развития ситуации, а также не подтверждала того, что на более поздней стадии производства указанное основание оставалось существенным»* (п. 63 постановления ЕСПЧ от 10 октября 2013 г. по делу «Сорокин против России» (жалоба № 67482/10).

Европейский Суд не согласился с аргументацией российских судов о том, что повторное совершение преступления заявителем возможно, поскольку он безработный. По мнению ЕСПЧ, *«...один лишь факт, что обвиняемый – безработный, не может служить оправданием предварительного заключения на протяжении пяти с лишним лет»* (п. 51).

Часть правовых позиций ЕСПЧ по вопросам содержания под стражей была сформирована в результате рассмотрения жалоб на продление сроков такого содержания для лиц, которые больны хроническими или неизлечимыми заболеваниями, объективно лишаящими их возможности к совершению новых преступлений, а также возможности скрыться от органов следствия и суда.

Характерным в данном случае можно считать постановление ЕСПЧ от 30 июля 2009 г. по делу «Алехин против России» (жалоба № 10638/08)¹:

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-93900> (дата обращения: 05.06.2021).

1) в 2006 г. заявитель, обвиняемый в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 172 и ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, был взят под стражу, а в 2008 г. осужден;

2) после приступа гипертонии в июне 2007 г. у заявителя появилась гемиплегия. Он был прикован к постели, не имея возможности самостоятельно передвигаться;

3) ходатайства защиты о возможности изменения меры пресечения вследствие изменения обстановки и ухудшения состояния здоровья были отклонены и следователем, и судом.

ЕСПЧ отметил, что на начальном этапе расследования суды были убедительны в отношении того, что риск пребывания на свободе заявителя в части возможности совершения повторного преступления или воспрепятствования ведению судебного процесса весьма велик. Однако относительно того, имел ли место этот риск в течение всего срока содержания заявителя под стражей, ЕСПЧ указал, что после приступа и наступивших последствий это вряд ли было оправданно. Ограниченные способности заявителя к передвижению (а иногда и к речи), необходимость пребывать под постоянным медицинским наблюдением существенно уменьшили риск того, что он мог скрыться, продолжить преступную деятельность, запугать свидетелей или уничтожить улики. Однако, как констатировал Европейский Суд, компетентные органы, включая национальные суды, не приняли во внимание изменившиеся обстоятельства и продолжали продлевать срок содержания заявителя под стражей, не оценив, остался ли этот риск реальным с учетом его состояния здоровья.

Другая правовая позиция ЕСПЧ по вопросам сроков содержания под стражей связана с приостановлением производства по делу вследствие неустановления лиц, причастных к совершению преступления, при одновременном сохранении меры пресечения лицу, которое обвиняется в совершении сопутствующего преступления.

Характерным в данном случае можно считать постановление ЕСПЧ от 15 марта 2011 г. по делу «Сизов против России» (жалоба № 33123/08)¹:

1) заявитель обвинялся в совершении вымогательства. В 2003 г. он был задержан. Суд отклонил ходатайство прокурора об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей и освободил заявителя под подписку о невыезде;

2) в 2004 г. неустановленные лица подожгли три автомобиля, которые являлись вещественными доказательствами по уголовному делу и принадлежали потерпевшим. Потерпевшие сообщили суду, что подозревают заявителя и других обвиняемых по делу в том, что они подожгли машины с целью оказать на них давление;

3) суд изменил заявителю и другим обвиняемым меру пресечения с подписки о невыезде на содержание под стражей;

4) в декабре 2004 г. расследование по уголовному делу о вымогательстве было приостановлено, а личности преступников установлены не были. Заявитель оставался под стражей;

5) общий срок нахождения под стражей составил два года и семь с половиной месяцев.

В рамках рассмотрения жалобы по делу ЕСПЧ сформулировал несколько важных правовых позиций.

Во-первых, было признано, что основанием для оставления заявителя под стражей в октябре 2004 г. могло служить подозрение в его причастности к заявленным попыткам запугать свидетелей. Однако *«...вследствие изменения обстановки (приостановления дела при неустановлении лиц, причастных к совершению преступления) органы следствия и судебные органы были обязаны привести другие основания для того, чтобы оправдать лишение его свободы»*² (п. 50 постановления ЕСПЧ от 15 марта 2011 г. по делу «Сизов против России» (жалоба № 33123/08)).

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103946> (дата обращения: 08.06.2021).

² Цит. по: Коннов В. А., Симонова А. Е. Практика Европейского Суда по правам человека в отношении жалоб, затрагивающих интересы МВД России. С. 47.

Во-вторых, в 2005–2008 гг. при продлении срока содержания заявителя под стражей следствие и суды последовательно ссылались на тяжесть обвинений, предъявленных заявителю, утверждая, что он может скрыться от правосудия, воспрепятствовать разбирательству по делу или оказать давление на свидетелей. Относительно опасности побега ЕСПЧ указал, что *«...такую опасность нельзя оценивать только на основании тяжести наказания. Она должна оцениваться на основании совокупности дополнительных факторов, которые могут либо подтвердить ее наличие, либо показать, что она настолько невелика, что не может оправдывать длительность предварительного заключения»*¹ (п. 52).

Суд констатировал, что в решениях следственных органов не содержалось мотивов, которые могли бы объяснить, почему, невзирая на представленные заявителем аргументы, они сочли определяющим элементом именно опасность побега.

В-третьих, ЕСПЧ в постановлении указал, что, разрешая вопрос об освобождении или заключении лица под стражу, компетентные органы согласно п. 3 ст. 5 Конвенции *«...обязаны рассмотреть альтернативные меры, обеспечивающие его присутствие на суде»*² (п. 55).

3. Отсутствие у заявителей, заключенных под стражу до суда, возможности краткосрочных свиданий с членами их семей в надлежащем образом организованных условиях, а также длительных свиданий. В данном случае заявители апеллируют к принципу презумпции невиновности, который предполагает возможность заключенных пользоваться большинством прав, предоставленных законом. В частности, одним из важнейших прав является право на общение с ближайшими родственниками. В ряде дел ЕСПЧ устанавливал нарушение ст. 8 Конвенции со стороны российских властей, которые не обеспечили

¹ Цит. по: Коннов В. А., Симонова А. Е. Практика Европейского Суда по правам человека в отношении жалоб, затрагивающих интересы МВД России. С. 47.

² Там же.

установленные российским законодательством условия для реализации указанного права.

Характерным примером может служить постановление ЕСПЧ от 9 июня 2020 г. по делу «Пшибиев и Беров против России» (жалоба № 63748/13)¹. В качестве обстоятельств дела следует отметить следующее:

1) 15 октября 2005 г. группа вооруженных мужчин произвела нападение на несколько государственных учреждений в г. Нальчике (Кабардино-Балкарская Республика);

2) в рамках расследования по уголовному делу, возбужденному 15 октября 2005 г., заявители были задержаны и заключены под стражу;

3) во время содержания под стражей у заявителей было несколько краткосрочных свиданий с родственниками, однако в ответ на неоднократные просьбы предоставить им длительное свидание российские власти (включая суды) отвечали отказом, аргументируя это тем, что действующее законодательство не допускает длительных свиданий с членами их семей для лиц, заключенных под стражу до суда;

4) следствие длилось более семи лет (до 2012 г.); за это время подследственным не было предоставлено ни одного длительного свидания.

ЕСПЧ в данном деле констатировал: «...несмотря на то, что любое законное содержание под стражей по самому своему характеру влечет за собой ограничение личной и семейной жизни заявителя, для уважения семейной жизни очень важно, чтобы администрация исправительного учреждения и другие уполномоченные органы помогали заключенному поддерживать контакт с семьей...» (п. 44 постановления ЕСПЧ от 9 июня 2020 г. по делу «Пшибиев и Беров против России» (жалоба № 63748/13).

Также указывается, что «...такое ограничение прав заключенных на свидания общеприменимо, независимо от причин

¹ ЕСПЧ. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-203093> (дата обращения: 08.06.2021).

заключения под стражу, соображений безопасности и того, на какой стадии производства находится уголовное дело» (п. 45). Аргументируя свое решение о признании факта нарушения ст. 8 Конвенции, ЕСПЧ приводит следующую позицию: *«Несмотря на то, что в настоящем деле в течение рассматриваемого периода заявителям были разрешены свидания, Европейский Суд полагает, что порядок их проведения в сочетании с отсутствием возможности физического контакта с близкими на протяжении более десяти лет не позволил заявителям поддерживать „допустимый” или „достаточно” разумный с их семьями...”* (п. 51).

Анализ показывает, что при рассмотрении жалоб на нарушения при заключении под стражу и содержании под стражей ЕСПЧ в основном акцентирует внимание на сроках, обоснованности и необходимости ограничения лица свободы в конкретной ситуации. Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что при возможности применения более мягкой меры пресечения власти обязаны ее рассмотреть. Правовые позиции также свидетельствуют о необходимости своевременно пересматривать решения о заключении под стражу при изменении обстоятельств, в том числе связанных с состоянием здоровья лица.

Для решения проблем, связанных с нарушениями при заключении под стражу и содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых, были внесены изменения в законодательство Российской Федерации. В частности, Федеральный закон от 19 февраля 2018 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части урегулирования пределов срока содержания под стражей на досудебной стадии уголовного судопроизводства»¹ предусмотрел изменения, которые призваны способствовать соблюдению разумного срока уголовного судопроизводства, поскольку ограничивают практику продления срока содержания под стражей на более длительное время, чем это требуется прокурору и суду для принятия решений по поступившему уголовному делу. Кроме того,

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 9. Ст. 1284.

Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста»¹ предусмотрено одно из наиболее существенных изменений отечественной системы мер уголовно-процессуального принуждения – введена новая мера пресечения в виде запрета определенных действий, модернизированы залог и домашний арест.

Также следует отметить изменения в российском законодательстве, которые осуществлены в связи с постановлениями ЕСПЧ, объединенными в группу дел «Царенко»².

В перечисленных постановлениях ЕСПЧ установил нарушение российскими властями п. 1 ст. 5 Конвенции в связи с неоднократным продлением судами срока содержания заявителей под стражей в период ознакомления с материалами уголовного дела после истечения предельного срока, установленного для применения данной меры пресечения.

В правовых позициях, сформулированных ЕСПЧ в этих делах, отмечается, что нормы УПК РФ, регулирующие содержание под стражей в период ознакомления обвиняемых с материалами уголовного дела, не соответствуют принципу Конвенции о «качестве» закона, поскольку на практике допускают неоднозначное толкование вопроса о возможности неоднократного продления срока содержания под стражей свыше предельно установленного срока до момента окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 17. Ст. 2421.

² Постановления, объединенные в группу дел «Царенко»: от 3 марта 2011 г. по делу «Царенко против России» (жалоба № 5235/10); от 29 мая 2012 г. по делу «Сулов против России» (жалоба № 2366/07); от 13 ноября 2012 г. по делу «Королева против России» (жалоба № 1600/09); от 13 ноября 2012 г. по делу «Пятков против России» (жалоба № 61767/08); от 15 января 2015 г. по делу «Юрий Рудаков против России» (жалоба № 48982/08); от 27 сентября 2016 г. по делу «Гонтмахер против России» (жалоба № 34180/08); от 6 июля 2017 г. по делу «Меметов и другие против России» (жалоба № 9070/14 и семь других); от 30 ноября 2017 г. по делу «Полторацкий и другие против России» (жалоба № 4622/09 и девять других); от 9 января 2018 г. по делу «Макарский против России» (жалоба № 41333/14).

Суд также обратил внимание на то, что обстоятельства не согласуются с общими принципами законности содержания под стражей, закрепленными в ст. 5 Конвенции, которые предусматривают, что законодательство, допускающее ограничение свободы, должно быть четким и ясным, а неоднократное продление предельного срока содержания под стражей в период ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела при отсутствии прямого указания в законе на возможность такого продления нарушает запрет произвольного лишения свободы.

Следует отметить, что правовые позиции Европейского Суда коррелируют с позициями Конституционного Суда Российской Федерации, в которых отмечается, что неоднократное продление предельного срока содержания под стражей в рассматриваемых случаях без прямого указания на это в законе нарушает запрет произвольного лишения свободы и что *«обеспечение обвиняемому достаточного времени для ознакомления с материалами дела не должно быть связано с наступлением для него такого неблагоприятного последствия, как неограниченное по сроку дальнейшее содержание под стражей, которое в этом случае приобретает значение санкции за использование обвиняемым его процессуальных прав и тем самым понуждает к отказу от них»*¹ (п. 3).

В развитие правовых позиций, сформированных в актах российского и международного судебных органов, принят Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. 543-ФЗ «О внесении изменений в статью 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»², реализованы поправки к УПК РФ, которые касаются возможности неоднократно продлевать срок содержания обвиняемого под стражей в период ознакомления

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 1998 г. № 167-О «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 6 статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан П. В. Янчева, В. А. Жеребенкова и М. И. Сапронова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 1. Ст. 230.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8469.

с материалами уголовного дела. Теперь следователь обязан указывать в ходатайстве конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие необходимость дальнейшего применения указанной меры пресечения. В постановлении суда о продлении такого срока должна указываться конкретная дата, до которой он продлевается, при этом продлевать его можно каждый раз не более чем на три месяца.

Среди дел, в которых Европейский Суд устанавливал нарушения при заключении под стражу и содержании под стражей, следует упомянуть такие, как постановление от 24 ноября 2016 г. по делу «Маевский и другие против России» (жалоба № 5403/07 и пять других), от 14 июня 2016 г. по делу «Бирюлев и Шишкин против России» (жалобы № 35919/05 и 3346/06), от 31 января 2017 г. по делу «Вахитов и другие против России» (жалоба № 18232/11 и две других), от 22 февраля 2018 г. по делу «Солоненко и другие против России» (жалоба № 50407/10 и четыре других), от 30 октября 2018 г. по делу «Халаф и другие против России» (жалоба № 67967/13 и три других), от 3 апреля 2018 г. по делу «Уtimiшев и другие против России» (жалоба № 15783/10 и восемь других), от 3 апреля 2018 г. по делу «Дудин против России» (жалоба № 9673/09).

Заключение

Страсбургский контрольный механизм за соблюдением прав человека продолжает развиваться как с точки зрения совершенствования процедур, так и с точки зрения появления новых правовых позиций. Рассмотренные в данной работе позиции являются, безусловно, базовыми, однако новые дела позволяют Суду их дополнять и совершенствовать.

Несмотря на последовательную практику реагирования российских властей на принимаемые Европейским Судом постановления, статистика показывает, что количество жалоб против России остается высоким¹. За последнее десятилетие на основе постановлений международного судебного органа в России было изменено большое количество нормативных правовых актов, приняты новые законы, пересмотрены десятки приговоров и решений судов. Все это свидетельствует о том, что Российская Федерация, выполняя постановления ЕСПЧ, обогащает свою правовую систему и правоприменительную практику, реализуя необходимые новации в сфере защиты прав и свобод человека.

Для МВД России практика ЕСПЧ имеет большое значение, поскольку позволяет выявлять существующие проблемы, формировать правосознание сотрудников, устранять и исправлять факты нарушений прав человека, а также более эффективно защищать их.

Сегодня правовые позиции ЕСПЧ затрагивают практически все стороны деятельности МВД России. Международные обязательства Российской Федерации в сфере обеспечения и защиты прав человека, постановления Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, которые признают решения Европейского Суда в качестве элемента правовой системы Российской Федерации, неизменно обязывают органы внутренних дел учитывать их в своей деятельности, формируя новую практику правоприменения.

¹ Так, за 2017 г. были коммуницированы 1 953 жалобы; за 2018 г. – 2 926; за 2019 г. – 1 602; за 2020 г. – 2 507 (Analysis of statistics, 2020 // https://www.echr.coe.int/Documents/Stats_analysis_2020_ENG.pdf (дата обращения: 17.06.2021)).

Библиографический список

Международные акты

1. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Рим, 04.11.1950) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

2. Протокол (№ 1) к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 20.03.1952) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3.

3. Протокол (№ 2) к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод «О наделении Европейского Суда по правам человека компетенцией выносить консультативные заключения» (Страсбург, 06.05.1963) // Бюллетень международных договоров. – 1998. – № 7.

4. Протокол (№ 4) к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод «Об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Страсбург, 16.09.1963) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3.

5. Протокол (№ 6) к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (Страсбург, 28.04.1983) // Действующее международное право : в 3 т. – Т. 2. – М. : Московский независимый институт международного права, 1997.

6. Протокол (№ 7) к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Страсбург, 22.11.1984) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3.

7. Протокол (№ 11) к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод «О реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией» (Страсбург, 11.05.1994) // Бюллетень международных договоров. – 1998. – № 12.

8. Рекомендация от 19 января 2000 г. № R (2000) 2 «По пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутри-

государственном уровне в связи с решениями Европейского Суда по правам человека» : принята Комитетом Министров Совета Европы 19 января 2000 г. // Российская газета. – 2001. – № 12.

Постановления Европейского Суда по правам человека

1. Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 февраля 1998 г. по делу «Боуман против Соединенного Королевства» (жалоба № 24839/94) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58134> (дата обращения: 01.06.2021).

2. Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1998 г. по делу «Ассенов и другие против Болгарии» (жалоба № 24760/94) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58261> (дата обращения: 10.06.2021).

3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 февраля 2001 г. по делу «Чиек против Турции» (жалоба №. 25704/94) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-59219> (дата обращения: 07.06.2021).

4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 г. по делу «Ваньян против России» (жалоба № 53203/99) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-71673> (дата обращения: 14.06.2021).

5. Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 января 2006 г. по делу «Михеев против России» (жалоба № 77617/01) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-72166> (дата обращения: 10.06.2021).

6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 июля 2007 г. по делу «Трепашкин против России» (жалоба № 36898/03) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-81801> (дата обращения: 03.06.2021).

7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 июня 2008 г. по делу «Атабаева и другие против России» (жалоба № 26064/02) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-86883> (дата обращения: 07.06.2021).

8. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 июня 2008 г. по делу «Элмурзаев и другие против России» (жалоба № 3019/04) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-86945> (дата обращения: 07.06.2021).

9. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 января 2009 г. по делу «Бурдов против России (№ 2)» (жалоба № 33509/04) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90671> (дата обращения: 07.06.2021).

10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 июля 2009 г. по делу «Алехин против России» (жалоба № 10638/08) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-93900> (дата обращения: 05.06.2021).

11. Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 июня 2010 г. по делу «Захаркин против России» (жалоба № 1555/04) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-99226> (дата обращения: 07.06.2021).

12. Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 2010 г. по делу «Борис Попов против России» (жалоба № 23284/04) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101323> (дата обращения: 07.06.2021).

13. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 ноября 2010 г. по делу «Александр Соколов против России» (жалоба № 20364/05) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101592> (дата обращения: 08.06.2021).

14. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 ноября 2010 г. по делу «Банникова против России» (жалоба № 18757/06) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101589> (дата обращения: 07.06.2021).

15. Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 февраля 2011 г. по делу «Пелевин против России» (жалоба № 38726/05) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103391> (дата обращения: 16.06.2021).

16. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 марта 2011 г. по делу «Сизов против России» (жалоба

№ 33123/08) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-103946> (дата обращения: 08.06.2021).

17. Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 февраля 2012 г. по делу «Веселов и другие против России» (жалоба № 23200/10 и две других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-113289> (дата обращения: 08.06.2021).

18. Постановление Европейского Суда по правам человека 6 июня 2013 г. по делу «Авилкина и другие против России» (жалоба № 1585/09) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-120071> (дата обращения: 07.06.2021).

19. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» (жалоба № 11157/04 и 15162/05) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122260> (дата обращения: 02.06.2021).

20. Постановление Европейского суда по правам человека от 10 октября 2013 г. по делу «Сорокин против России» (жалоба № 67482/10) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-126639> (дата обращения: 04.06.2021).

21. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 июня 2013 г. по делу «Сидиковы против России» (жалоба № 73455/11) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-120971> (дата обращения: 08.06.2021).

22. Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 декабря 2013 г. по делу «Добриева и другие против России» (жалоба № 18407/10) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-139488> (дата обращения: 10.06.2021).

23. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2014 г. по делу «Навальный и Яшин против России» (жалоба № 76204/11) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-148286> (дата обращения: 10.06.2021).

24. Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 октября 2014 г. по делу «Носко и Нефедов против Рос-

сии» (жалобы № 5753/09 и 11789/10) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-147441> (дата обращения: 14.06.2021).

25. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 января 2014 г. по делу «Щиборщ и Кузьмина против России» (жалоба № 5269/08) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-140013> (дата обращения: 10.06.2021).

26. Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 июля 2014 г. по делу «Ким против России» (жалоба № 44260/13) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145584> (дата обращения: 12.06.2021).

27. Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 октября 2015 г. по делу «А. Л. против России» (жалоба № 44095/14) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-158148> (дата обращения: 12.06.2021).

28. Постановление Европейского Суда по правам человека от 5 февраля 2015 г. по делу «Раззаков против России» (жалоба № 57519/09) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-150790> (дата обращения: 10.06.2021).

29. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 февраля 2016 г. по делу «Навальный и Офицеров против России» (жалобы № 46632/13 и 28671/14) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-161060> (дата обращения: 15.06.2021).

30. Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 октября 2016 г. по делу «Некрасов против России» (жалоба № 8049/07) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-162860> (дата обращения: 06.06.2021).

31. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 октября 2016 г. по делу «Джураев и Шалкова против России» (жалоба № 1056/15) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-167804> (дата обращения: 13.06.2021).

32. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23 февраля 2016 г. по делу «Александр Андреев против России»

(жалоба № 2281/06) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-161047> (дата обращения: 04.06.2021).

33. Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 июня 2016 г. по делу «Мамонтов и другие против России» (жалоба № 46796/06 и две других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-163804> (дата обращения: 07.06.2021).

34. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 октября 2016 г. «Ярослав Белоусов против России» (жалобы № 2653/13 и 60980/14) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-166937> (дата обращения: 09.06.2021).

35. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 декабря 2016 г. по делу «Раджаб Магомедов против России» (жалоба № 20933/08) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-169652> (дата обращения: 09.06.2021).

36. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 октября 2017 г. по делу «Мулюков и другие против России» (жалоба № 31044/08 и девять других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-177422> (дата обращения: 09.06.2021).

37. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 июля 2017 г. по делу «Эскерханов и другие против России» (жалоба № 18496/16 и две других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-175654> (дата обращения: 09.06.2021).

38. Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 февраля 2017 г. по делу «Сайеров против России» (жалоба № 33071/12) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170861> (дата обращения: 09.06.2021).

39. Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 марта 2017 г. по делу «Кавалеров и другие против России» (жалоба № 55477/10 и семь других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-173388> (дата обращения: 03.06.2021).

40. Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 января 2017 г. по делу «Лавейкин против России» (жалоба № 10727/07) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170028> (дата обращения: 06.06.2021).

41. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 декабря 2017 г. «М. S. А. и другие против России» (жалоба № 29957/14 и восемь других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-179419> (дата обращения: 13.06.2021).

42. Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 июля 2017 г. по делу «Захаркин и другие против России» (жалоба № 40377/10) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-175681> (дата обращения: 13.06.2021).

43. Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 февраля 2017 г. по делу «Лашманкин и другие против России» (жалоба № 57818/09 и 14 других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170857> (дата обращения: 13.06.2021).

44. Постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 2017 г. по делу «Куштова и другие против России (№ 2)» (жалоба № 60806/08) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-171527> (дата обращения: 03.06.2021).

45. Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 ноября 2017 г. по делу «Климов и другие против России» (жалоба № 22625/07) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-178864> (дата обращения: 11.06.2021).

46. Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 января 2017 г. по делу «Вахитов и другие против России» (жалоба № 18232/11 и две других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-170593> (дата обращения: 11.06.2021).

47. Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 февраля 2018 г. по делу «Солоненко и другие против Рос-

сии» (жалоба № 50407/10 и четыре других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-181070> (дата обращения: 11.06.2021).

48. Постановление Европейского Суда по правам человека от 30 октября 2018 г. по делу «Халаф и другие против России» (жалоба № 67967/13 и три других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-187464> (дата обращения: 11.06.2021).

49. Постановление Европейского Суда по правам человека от 3 апреля 2018 г. по делу «Уtimiшев и другие против России» (жалоба № 15783/10 и восемь других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-185213> (дата обращения: 11.06.2021).

50. Постановление Европейского Суда по правам человека от 3 апреля 2018 г. по делу «Дудин против России» (жалоба № 9673/09) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-181880> (дата обращения: 01.06.2021).

51. Постановление Европейского Суда по правам человека от 10 июля 2018 г. по делу «Абдуркадыров и Дахтаев против России» (жалоба № 35061/04) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-184489> (дата обращения: 04.06.2021).

52. Постановление Европейского Суда по правам человека от 14 июня 2018 г. по делу «Байков другие против России» (жалоба № 9094/05 и четыре других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-183571> (дата обращения: 11.06.2021).

53. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 октября 2018 г. по делу «Покусин и другие против России» (жалоба № 21440/13 и девять других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-186448> (дата обращения: 11.06.2021).

54. Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 августа 2018 г. по делу «Ходюкевич против России» (жалоба № 74282/11) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-185310> (дата обращения: 11.06.2021).

55. Постановление Европейского Суда по правам человека от 1 октября 2019 г. по делу «Пастухов против России» (жалоба № 74820/14) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-196295> (дата обращения: 04.06.2021).

56. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 июня 2019 г. по делу «S. S. и другие против России» (жалоба № 2236/16 и три других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-194057> (дата обращения: 04.06.2021).

57. Постановление Европейского Суда по правам человека от 1 октября 2019 г. от 5 марта 2019 г. по делу «Тиллоев против России» (жалоба № 2120/10) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-191482> (дата обращения: 11.06.2021).

58. Постановление Европейского Суда по правам человека от 1 октября 2019 г. от 5 марта 2019 г. по делу «Габбазов против России» (жалоба № 16831/10) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-191483> (дата обращения: 11.06.2021).

59. Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 апреля 2019 г. по делу «Томов и другие против России» (жалоба № 18255/10 и пять других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-192209> (дата обращения: 05.06.2021).

60. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 ноября 2019 г. по делу «А против России» (жалоба № 37735/09) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-198385> (дата обращения: 08.06.2021).

61. Постановление Европейского Суда по правам человека от 19 ноября 2019 г. по делу «Оботе против России» (жалоба № 58954/09) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-198482> (дата обращения: 08.06.2021).

62. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 февраля 2020 г. по делу «Круглов и другие против России»

(жалоба № 11264/04 и 15 других) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-200719> (дата обращения: 08.06.2021).

63. Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 марта 2020 г. по делу «Мурдаловы против России» (жалоба № 51933/08) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-202121> (дата обращения: 08.06.2021).

64. Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 мая 2020 г. по делу «Гремина против России» (жалоба № 17054/08) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-202550> (дата обращения: 08.06.2021).

65. Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 июня 2020 г. по делу «Пшибиев и Беров против России» (жалоба № 63748/13) // ЕСПЧ. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng/?i=001-203093> (дата обращения: 08.06.2021).

Правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. – 2020. – № 144.

2. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.

3. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 34. – Ст. 4029.

4. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.

5. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 25. – Ст. 2485.

6. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 53 (ч. I). – Ст. 7629.

7. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 18. – Ст. 2144.

8. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 193-ФЗ «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона „О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3399.

9. Федеральный закон от 19 февраля 2018 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части урегулирования пределов срока содержания под стражей на досудебной стадии уголовного судопроизводства» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 9. – Ст. 1284.

10. Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 17. – Ст. 2421.

11. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. 543-ФЗ «О внесении изменений в статью 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 53 (ч. I). – Ст. 8469.

12. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 52 (ч. I). – Ст. 7812.

13. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 520-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 52 (ч. I). – Ст. 7838.

14. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 96-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 14 (ч. I). – Ст. 2026.

15. Указ Президента Российской Федерации от 29 марта 1998 г. № 310 «Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителе Министра юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 14. – Ст. 1540.

Акты Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 47 и части 2 статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 27. – Ст. 2882.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова и Н. В. Труханова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 3.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бутмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // Российская газета. – 2003. – № 221.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой» // Российская газета. – 2010. – № 51.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона „О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона „О международных договорах Российской Федерации”, частей 1 и 4 статьи 11, пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части 4 статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. – 2015. – № 163.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2016 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”, частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Россий-

ской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части 1 статьи 27 Федерального закона „О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 3.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу „Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета. – 2016. – № 95.

8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 1998 г. № 167-О «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 6 статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан П. В. Янчева, В. А. Жеребенкова и М. И. Сапронова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 1. – Ст. 230.

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 2.

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. – 2006. – № 4103.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – № 244.

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами

общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Российская газета. – 2013. – № 145.

13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (ред. от 24.05.2016) // Российская газета. – 2016. – № 117.

14. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 г. № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 8.

15. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2016 г. № 13-О «По жалобе гражданина Петрова Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав частью 1 и подпунктом „б” пункта 2 части 4 статьи 413, частью 5 статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Конституционный Суд Российской Федерации. – URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision222254.pdf>.

16. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2017 г. № 8-АД17-7 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. – URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13112017-n-8-ad17-7/>.

Научно-практическая литература

1. Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека, 2002–2016 : научно-аналитическое издание / [науч. ред. и сост. Ю. Ю. Берестнев]. – М. : Развитие правовых систем, 2016. – 1287 с.

2. Европейский Суд по правам человека. Избранные постановления и решения 2001 г. : в 2 ч. / [сост. Л. И. Брычева и др.]. – М. : Юридическая литература, 2004.

3. Европейские правовые стандарты в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации : сборник документов / [сост. Л. И. Брычева и др.]. – М. : Юридическая литература, 2003. – 766 с.

4. Князькин, С. А. Жалоба в Европейский Суд по правам человека: новый формуляр и образец заполнения. – М. : Норма : Инфра-М, 2014. – 62 с.

5. Комаров, С. А. Права человека и правовая инфильтрация идей Европейского Суда по правам человека в правовую систему Российской Федерации : монография / С. А. Комаров, И. В. Лаптева, Д. И. Титенков. – СПб. : Издательство Юридического института ; Рязань : Концепция, 2014. – 294 с.

6. Караманукян, Д. Т. Акты Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе : учебное пособие. – Омск : Омская юридическая академия, 2013. – 95 с.

7. Максуров, А. А. Защита права собственности в Европейском Суде по правам человека : монография. – М. : Инфра-М, 2015. – 275 с.

8. Мартынов, О. А. Влияние решений Европейского Суда по правам человека на правовую систему Российской Федерации // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – № 1 (18). – С. 146–148.

9. Де Сальвиа, М. Европейская конвенция по правам человека / М. де Сальвиа ; науч. ред. А. И. Ковлера и Ю. Ю. Берестнева ; пер. с итал. И. В. Соболевой. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 265 с.

10. Де Сальвиа, М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека: руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: судебная практика с 1960 по 2002 г. / М. де Сальвиа ; науч. ред. и предисл. Ю. Ю. Берестнева ; пер. с фр.

А. А. Жуковой, Г. А. Пашковой. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 1071 с.

11. Обращение в Европейский Суд по правам человека : учебное пособие / [под общ. ред. Ф. Лича ; пер. Т. Томаевой]. – М. : Мемориал, 2006. – 475 с.

12. Обзор постановлений Европейского Суда по правам человека и запросов Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации, поступивших в Министерство внутренних дел Российской Федерации в 2017 году // Автоматизированная информационно-поисковая система «Судебная практика» специализированной территориально распределенной автоматизированной системы «Юрист». – Режим доступа: для авторизованных пользователей.

13. Рожкова, М. А. Порядок рассмотрения жалоб в Европейском Суде по правам человека / М. А. Рожкова, Д. В. Афанасьев, Ю. В. Тай. – М. : Статут, 2013. – 565 с.

14. Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека по отдельным направлениям деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Сервис обеспечения деятельности правовых подразделений системы МВД России единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России. – Режим доступа: для авторизованных пользователей.

15. Право Европейской конвенции по правам человека / Д. Харрис, М. О'Бойл, К. Уорбрик и др. ; [пер. с англ. В. А. Власихина и др. ; науч. ред. А. И. Ковлер]. – 2-е изд., доп. – М. : Развитие правовых систем, 2018. – 1432 с.

Вопросы для самоконтроля

Контрольные вопросы к главе 1

1. Что такое меры индивидуального характера и в чем они заключаются?
2. Что такое меры общего характера и в чем они заключаются?
3. В каких актах Верховного Суда РФ подтверждается статус правовых позиций ЕСПЧ в качестве основы для изменения правоприменительной практики и внесения изменений в законодательство Российской Федерации?
4. Что такое пилотные постановления ЕСПЧ, в чем их значение?
5. В каких формах могут проявляться меры индивидуального характера?
6. Каков порядок исполнения постановлений ЕСПЧ в Российской Федерации?
7. Какова роль Конституционного Суда РФ в вопросах исполнения постановлений ЕСПЧ?
8. Какова роль Верховного Суда РФ в вопросах исполнения постановлений ЕСПЧ?
9. Каковы статус и функции Уполномоченного Российской Федерации при ЕСПЧ?
10. Каков порядок выплаты денежной компенсации по постановлениям ЕСПЧ?

Контрольные вопросы к главе 2

1. По каким статьям Конвенции 1950 г. и Протоколов к ней преимущественно квалифицируются нарушения в сфере ненадлежащих условий содержания в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых, в специальных помещениях для лиц, задержанных за административные правонарушения, а также при их транспортировке?

2. Приведите примеры правовых позиций ЕСПЧ по делам о ненадлежащих условиях содержания в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых, в специальных помещениях для лиц, задержанных за административные правонарушения, а также при их транспортировке.

3. По каким статьям Конвенции 1950 г. и Протоколов к ней преимущественно квалифицируются нарушения, связанные с жестоким обращением со стороны сотрудников органов внутренних дел?

4. Приведите примеры правовых позиций ЕСПЧ по делам о жестоком обращении со стороны сотрудников органов внутренних дел.

5. По каким статьям Конвенции 1950 г. и Протоколов к ней преимущественно квалифицируются нарушения, связанные с задержаниями?

6. Приведите примеры правовых позиций ЕСПЧ по делам, связанным с задержаниями.

7. По каким статьям Конвенции 1950 г. и Протоколов к ней преимущественно квалифицируются нарушения, связанные с нарушениями в центрах временного содержания иностранных граждан, организации их административного выдворения, депортации и экстрадиции?

8. Приведите примеры правовых позиций ЕСПЧ по делам, связанным с нарушениями в центрах временного содержания иностранных граждан, организации их административного выдворения, депортации и экстрадиции.

9. По каким статьям Конвенции 1950 г. и Протоколов к ней преимущественно квалифицируются нарушения, связанные с эффективностью расследования преступлений и справедливостью судебного разбирательства?

10. Приведите примеры правовых позиций ЕСПЧ по делам, связанным с эффективностью расследования преступлений и справедливостью судебного разбирательства.

11. По каким статьям Конвенции 1950 г. и Протоколов к ней преимущественно квалифицируются нарушения, связанные

с правом на свободу собраний, объединений, свободу выражения мнений?

12. Приведите примеры правовых позиций ЕСПЧ по делам, связанным со свободой собраний, объединений, свободой выражения мнений.

13. По каким статьям Конвенции 1950 г. и Протоколов к ней преимущественно квалифицируются нарушения, связанные с нарушениями прав и свобод человека при проведении контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского федерального округа?

14. Приведите примеры правовых позиций ЕСПЧ по делам, связанным с нарушениями прав и свобод человека при проведении контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского федерального округа.

15. По каким статьям Конвенции 1950 г. и Протоколов к ней преимущественно квалифицируются нарушения, связанные с осуществлением оперативно-разыскных мероприятий?

16. Приведите примеры правовых позиций ЕСПЧ по делам, связанным с провокацией преступлений со стороны сотрудников правоохранительных органов.

17. По каким статьям Конвенции 1950 г. и Протоколов к ней преимущественно квалифицируются нарушения, связанные с заключением под стражу?

18. Приведите примеры правовых позиций ЕСПЧ по делам, связанным с нарушениями при заключении под стражу.

19. По каким статьям Конвенции 1950 г. и Протоколов к ней преимущественно квалифицируются нарушения, связанные с содержанием под стражей?

20. Приведите примеры правовых позиций ЕСПЧ по делам, связанным с нарушениями при продлении сроков содержания под стражей.

Учебное издание

Коннов Валерий Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент
Симонова Александра Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент
Песковая Юлия Васильевна,
кандидат юридических наук

**ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ПО ЖАЛОБАМ НА НАРУШЕНИЯ
В ОТДЕЛЬНЫХ СФЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Редактор *Фомин И. Е.*
Корректор *Титова В. П.*
Компьютерная верстка *Фомин И. Е.*

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Подписано в печать 14.10.2021	Формат 60×84 1/16	Тираж 259 экз.
Заказ № 83	Цена договорная	Объем 6,97 уч.-изд. л.
		9,07 усл. печ. л.
